

18+

ЮРИЙ ДРАЗДОВ

ФЕРМЕР СИМУЛЯТОР

ВЕЛИКИЙ ГОЛОД

Юрий Драздов

Фермер симулятор. Великий голод

«Издательские решения»

Драздов Ю.

Фермер симулятор. Великий голод / Ю. Драздов —
«Издательские решения»,

Старый агроном Иван Петрович хотел лишь выращивать морковь в виртуальной игре. Но, чтобы защитить ферму от элитной гильдии, он случайно развязывает экономическую войну, создаёт картель и выводит смертоносные растения-мутанты. Голод поглощает сервер, враги жуют ремни, «Инквизиция» охотится на него, а разработчики вмешиваются с «божественным оружием». Фермер против системы. Побеждает не меч, а хлеб.

© Драздов Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Похлебка из ремней	6
Часть 1. Город-призрак	7
Часть 2. Охота на пустой земле	10
Часть 3. В подвале: Нити и зеркала	14
Часть 4. Костер на окраине	17
Часть 5. Похлебка	19
Часть 6. Вечер на ферме	21
Глава 2. Союзники поневоле	23
Часть 1. Утро после похлебки	24
Часть 2. Делегация	28
Часть 3. Создание «Колхоза»	34
Часть 4. Реакция мира	37
Глава 3. Удобрения Хиросимы	41
Часть 1. Тишина перед грозой	42
Часть 2. Подготовка	45
Часть 3. Скрещивание	47
Часть 4. Рождение	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Фермер симулятор Великий голод

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-1415-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Похлебка из ремней

Часть 1. Город-призрак

Иван Петрович никогда не любил города.

В реальной жизни он бывал в них редко — выбирался в райцентр за запчастями для трактора, однажды съездил в область на сельскохозяйственную выставку, где его сорт озимой пшеницы получил какую-то ничего не значащую грамоту, и еще пару раз его возили в Москву на совещания передовиков, которые он ненавидел всей душой. Города пахли бензином, пылью и чужими, неприятными запахами. В городах люди ходили быстро, говорили громко и смотрели сквозь него, словно он был не человеком, а элементом пейзажа — старым дубом у дороги или покосившимся забором. В городах ему было неудобно.

Но виртуальный Артариум — центральный город этого мира, столица сервера, главный хаб для торговли, ремесла и светской жизни — вызывал у него чувство, отдаленно напоминавшее любопытство. Он никогда не бывал там лично. Его персонаж, Агроном, не покидал пределов фермы с того самого дня, как впервые ступил на эту землю. Но это не значило, что Иван Петрович не мог видеть город. У него были глаза. Много глаз.

Несколько недель назад, экспериментируя с мутациями Поющей травы и Светящегося мицелия, он случайно вывел странный гибрид — растение, которое он назвал «Глаз-трава». Это был тонкий, почти невидимый стебель, увенчанный крошечным, но удивительно зорким цветком, лепестки которого складывались в подобие глазного яблока. «Глаз-трава» не была оружием. Она не могла атаковать, не выделяла ядовитых спор, не хватала прохожих за ноги. Она просто смотрела. И передавала увиденное через «Шёпот флоры» прямо в сознание Ивана Петровича. Он посадил несколько таких растений вокруг своей мельницы — для наблюдения за границами. Потом, осмелев, посадил пару семян в мешки с зерном, которые уходили через «Бабушкин погребок» в город. И теперь, спустя три недели, Артариум был усеян его невидимыми соглядатаями. «Глаз-трава» росла в щелях мостовых, на карнизах таверн, в цветочных горшках гильдейских залов, даже в сточных канавах. Никто не замечал её. Никто не догадывался, что каждый уголок города просматривается старым фермером, который ни разу не покидал своей мельницы.

В это утро Иван Петрович, сидя в кресле-качалке с кружкой травяного отвара, решил провести «обход» города. Он закрыл глаза, сосредоточился на «Шёпоте флоры» и потянулся к дальним сигналам — туда, где его растения-шпионы росли в самом сердце Артариума.

Первое, что он почувствовал, была тишина.

Города в «Артаре» никогда не были тихими. Даже глубокой ночью, когда большинство игроков выходили из игры или спали в тавернах, здесь всегда что-то происходило: стучали молотки в кузницах, гудели магические порталы, доносились обрывки разговоров из круглосуточных гильдейских залов, звенели монеты на аукционе. Но сейчас, в полдень, когда город должен был кипеть жизнью, над Артариумом стояла кладбищенская тишина. Ни стука. Ни звона. Ни голосов. Только ветер, гуляющий по пустым улицам, да редкие, какие-то приглушенные шаги — как будто люди боялись ходить громко, словно шум мог потревожить невидимого хищника.

Иван Петрович переключился на «Глаз-траву», растущую у главной площади, перед зданием аукциона. Обычно здесь было не протолкнуться: сотни игроков толпились у досок объявлений, выкрикивали цены, размахивали мешками с лутом, спорили, торговались, заключали сделки. Теперь же площадь была почти пуста. У входа в аукцион сидели несколько человек — не стояли, не ходили, а именно сидели, привалившись спинами к стенам, словно обессиленные путники в пустыне. Их доспехи — дорогие, легендарные, судя по блеску, — были покрыты пылью. Оружие, которое в обычные дни сияло зачарованными огнями, теперь тускло лежало на коленях. Лица у всех были одинаковые: серые, осунувшиеся, с глубокими тенями под глазами — дебафф «Голод» накладывал не только штрафы к характеристикам, но и менял внешность, делая игроков похожими на живых мертвецов.

Иван Петрович присмотрелся к одному из них — высокому, статному воину в доспехах из драконьей чешуи, которые даже сейчас, в потускневшем состоянии, выглядели внушительно. Рядом с ним лежал огромный двуручный меч с рукоятью, инкрустированной рубинами. Воин сидел, уронив голову на грудь, и, кажется, дремал — или просто экономил силы. Его ник, «Эйнар», тускло светился над головой, и рядом с ним висела красная иконка дебаффа: «Голод III степени. Штраф ко всем характеристикам: 40%. До смерти от голода: 3 часа».

Иван Петрович помнил этого Эйнара. Несколько недель назад, когда он только начинал свои первые эксперименты с экономикой, он видел его имя в отчетах Рики. Эйнар был одним из топ-танков «Стальных Ястребов» — не командиром, но ветераном, который участвовал во всех крупных рейдах и носил звание «Несокрушимый». Теперь же «Несокрушимый» сидел на мостовой, не в силах подняться, и ждал смерти от голода.

Рядом с Эйнаром сидел другой игрок — молодой парень, почти мальчишка, в потрепанной кожаной броне. Его ник, «Кривой Нож», и уровень — всего 12-й — говорили о том, что он был новичком, возможно, одним из тех, кто присоединился к игре недавно и не успел вступить в гильдию. Он сидел, скрестив ноги, и что-то сосредоточенно жевал. Иван Петрович пригляделся и почувствовал, как внутри у него что-то сжалось — не от жалости, нет, от какого-то смутного, неприятного узнавания. Парень жевал свой собственный ремень. Не в переносном смысле — в прямом. Он отрезал полоску кожи от своего пояса, засовывал её в рот и медленно, с усилием, пережевывал. Интерфейс услужливо подсказал: «Предмет: Кожанный ремень (грубая кожа). Пищевая ценность: 2 единицы. Эффект: утоляет голод на 10 минут. Побочный эффект: Несварение (30% шанс рвоты), Повреждение зубов (снижает харизму на 5% на 1 час)».

— Долго ты так не протянешь, — хрипло сказал кто-то рядом с парнем. Голос, усиленный «Глаз-травой», донесся до Ивана Петровича так отчетливо, словно он стоял в двух шагах. — Ремень жрать — это последнее дело. У меня вон товарищ вчера пряжку проглотил, так его скрутило — полдня в отключке лежал. Еле откачали.

— А что делать? — огрызнулся Кривой Нож, не переставая жевать. Его голос был глухим — видимо, кожа уже начала дубить десны. — Кроликов больше нет. Ловушек нет. Зерна нет. В тавернах одна вода за золото. Я три дня не ел. Еще день — и мой перс откинется нафиг.

— Все там будем, — философски заметил третий игрок, сидевший у противоположной стены. Это был немолодой, судя по голосу, мужчина в потрепанной мантии мага. Его посох, некогда бывший, вероятно, артефактом высокого уровня, теперь был сломан и использовался как костыль. — Я вчера продал свой «Амулет Звездного Огня». Легендарка. Два года фармил. Знаете, за сколько продал?

— За сколько? — спросил Кривой Нож.

— За три буханки хлеба, — маг горько усмехнулся. — Три буханки. Одну съел вчера. Вторую — сегодня утром. Третью берегу на завтра. Если доживу. Амулет, который мог призывать метеоритный дождь, стоил три буханки хлеба. Потому что жрать-то охота, ребята. Жрать охота сильнее, чем метеориты призывать.

Повисла тишина. Кривой Нож перестал жевать и уставился на мага. Эйнар, дремавший у стены, приоткрыл один глаз.

— Три буханки, — повторил он низким, скрипучим голосом. — А я вчера видел, как один парень продал свой аккаунт за мешок муки. Не персонажа — аккаунт. Целиком. С почтой, с паролем, со всей историей. За мешок муки. Потому что семья голодает.

— Семья? — переспросил Кривой Нож. — В игре?

— В реале, — отрезал Эйнар. — Он сказал, что у него трое детей, и он фармил тут золото, чтобы покупать им еду. Переводил в реал через барыг. А теперь еды нет. Ни в игре, ни в реале. Он продал аккаунт, чтобы купить муки на последние деньги. И знаешь, что самое смешное? — он повернул голову к Кривому Ножу и посмотрел на него тяжелым, немигающим взглядом. — Муку он купил у «Бабушкиного погребка». Того самого картеля, который и устроил весь этот голод. Они ему же его собственную нищету и продали. С наценкой в триста процентов.

В наступившей тишине было слышно, как где-то вдалеке, на другой улице, кто-то закашлялся — сухим, надрывным кашлем, какой бывает у людей, которые долго не ели. Иван Петрович смотрел на эту сцену глазами своей «Глаз-травы» и чувствовал, как к горлу подступает комок. Он не хотел этого. Никогда не хотел. Он создавал «Бабушкин погребок» не для того, чтобы морить людей голодом, — он создавал его, чтобы защитить свою ферму от «Ястребов». Но блокада, как он уже понял, была оружием обоюдоострым. Она была не только по врагам. Она была по всем. И сейчас, глядя на то, как парень с ником Кривой Нож жуёт собственный ремень, чтобы не умереть от голода в виртуальном мире, он чувствовал, что балансирует на какой-то очень тонкой, очень опасной грани.

Но выбора не было. Если он ослабит блокаду — «Ястребы» восстановят силы. Если «Ястребы» восстановят силы — они снова нападут. Если они снова нападут — они уничтожат его ферму. Если они уничтожат его ферму — всё, что он строил, всё, что он создавал, всё, во что он вложил душу, исчезнет. А он не мог этого допустить. Потому что эта земля была для него не просто пикселями на экране. Она была продолжением его самого. И он должен был её защитить. Любой ценой.

— Ладно, — сказал он в темноту подвала, открывая глаза. — Посмотрим, что там с кроликами.

Часть 2. Охота на пустой земле

Лунная поляна находилась в трех часах ходьбы к югу от Артариума. Когда-то — всего месяц назад — это место было одним из самых популярных фармовых спотов для новичков. Здесь водились лунные кролики — низкоуровневые mobs, которые не представляли угрозы для игроков, но давали ценный лут: кроличье мясо (давало +20 к сытости и временный бафф на ловкость), кроличий мех (использовался для крафта легкой брони) и изредка — кроличьи лапки (редкий компонент для зелий удачи). Новички фармили здесь целыми днями, прокачивая начальные уровни и зарабатывая первые деньги. Но сейчас, в разгар Великого голода, Лунная поляна стала местом паломничества для тех, кто отчаялся найти еду в городе.

Группа, собравшаяся утром у южных ворот Артариума, насчитывала около тридцати человек. В основном — низкоуровневые игроки, ремесленники, наемники без гильдии. Были и несколько ветеранов, которые присоединились к походу из жалости или из желания помочь. Лидером группы вызвался быть игрок с ником Рейнджер — бывалый охотник 40-го уровня, который когда-то входил в топ-10 лучших стрелков сервера, но потом ушел из большой игры, устал от политики и поселился в лесу, где жил отшельником. Он был высок, жилист, носил потертую зеленую накидку и никогда не расставался с длинным луком из тисового дерева, который, по его словам, смастерил собственными руками. В погальные времена Рейнджер презирал городских жителей и редко с ними общался, но сейчас, когда голод добрался даже до его лесной хижины, он согласился возглавить отряд.

— Слушайте все внимательно, — сказал Рейнджер, когда группа собралась у ворот. Его голос, спокойный и уверенный, немного приободрил приунывших игроков. — Лунная поляна — это открытая местность. Кролики там водятся, но с тех пор, как начался голод, их стало меньше. То ли их выбили, то ли они мигрировали — я не знаю. Но несколько дней назад я видел там следы. Значит, какая-то популяция осталась. Наша задача — окружить поляну, расставить силки и ждать. Не шуметь. Не бегать. Не использовать магию — кролики чувствуют магический фон и разбегаются. Вопросы?

— А почему мы не можем просто купить мясо в городе? — спросил кто-то из толпы. — У меня есть золото. Немного, но есть. Может, лучше...

— Золото? — перебил его Рейнджер с горькой усмешкой. — Ты можешь купить мясо? Ну-ка, открой аукцион. Прямо сейчас.

Игрок, задавший вопрос, открыл интерфейс. На его лице отразилось недоумение, потом — растерянность, потом — отчаяние.

— Пусто, — прошептал он. — Вообще пусто. Ни мяса, ни рыбы, ни овощей. Только эта... «Похлебка из ремней» за пятьдесят золотых.

— Вот именно, — кивнул Рейнджер. — «Похлебка из ремней». Я пробовал её вчера. Она дает +5 к сытости и снимает дебафф «Голодная смерть». И всё. Никаких баффов. Никакой пользы. Просто чтобы не умереть. И стоит пятьдесят золотых. Пятьдесят! Раньше за эти деньги можно было купить легендарный меч. Теперь — тарелку похлебки из кожи. Так что если вы хотите мяса, мы должны добыть его сами. Другого пути нет.

Группа двинулась к Лунной поляне. Шли долго, почти три часа, петляя по заброшенным тропам и стараясь не привлекать внимания. В обычные времена этот путь занял бы вдвое меньше времени, но сейчас, ослабленные голодом, игроки двигались медленно, часто останавливаясь для отдыха. Кривой Нож, тот самый парень, что утром жевал ремень, плелся в хвосте колонны, держась за живот. Его дебафф «Несварение» давал о себе знать — каждые десять минут он останавливался, его рвало, и он, вытирая рот рукавом, снова брел дальше.

К полудню они достигли Лунной поляны.

И остановились.

С Рейнджером что-то было не так. Он стоял на краю поля, глядя перед собой, и его лицо, обычно выражавшее спокойную, отстраненную уверенность, сейчас было растерянным. Почти испуганным.

— Что случилось? — спросил кто-то из группы.

— Силки, — ответил Рейнджер, не оборачиваясь. — Мои силки. Я оставил их здесь два дня назад. Вон там, у кустов. И вон там, у ручья. Я всегда оставляю силки — на случай, если вернусь. Это охотничий закон: уходя, ставь ловушки. Возвращаясь, проверяй. Но сейчас... — он замолчал.

— Что «сейчас»?

— Их нет, — Рейнджер обернулся к группе, и все увидели его глаза — широко открытые, полные непонимания. — Моих силков нет. Вообще. Как будто их кто-то снял.

— Может, другие игроки? — предположил кто-то.

— Другие игроки не могли их снять. Я ставлю силки с магической меткой. Чтобы снять их, нужно либо знать пароль, либо иметь навык взлома выше моего. А у меня навык «Охотничьи ловушки» прокачан до максимума. Чтобы взломать мои силки, нужен как минимум легендарный артефакт. Или... — он осёкся.

— Или что?

— Или кто-то скупил все силки на аукционе вместе с моими, — закончил Рейнджер глухо. — Я слышал слухи. Говорят, есть картель, который скупает всё. Всё, что связано с органикой. Зерно. Травы. Кожи. Мясо. И... да, силки. Они скупают даже силки. Даже капканы. Даже приманки. Потому что если нет силков — нет охоты. Если нет охоты — нет мяса. Если нет мяса — есть только их похлебка. За пятьдесят золотых.

В группе повисла тишина. Люди переглядывались, не в силах осознать услышанное. Это было не просто блокадой. Это было геноцидом. Методичным, продуманным, безжалостным уничтожением самой возможности прокормиться. И тот, кто это делал, не носил тяжелых доспехов и не размахивал мечом. Он просто сидел где-то в своем подвале, смотрел на экран аукциона и нажимал кнопку «Купить». Снова и снова. Пока весь сервер не оказался у него на крючке.

— Ладно, — сказал Рейнджер, беря себя в руки. — Силки — это полбеды. Кролики всё равно здесь. Я вижу следы. Свежие. Значит, будем ловить руками.

— Руками? — переспросил Кривой Нож. — Ты серьезно?

— А что ты предлагаешь? — огрызнулся Рейнджер. — Вернуться в город и есть свой ремень дальше? Мы пришли сюда за мясом. Мы возьмем мясо. Без силков, без капканов, без приманок. Голыми руками. Понятно?

Группа неохотно рассредоточилась по поляне. Люди сняли тяжелые доспехи, чтобы двигаться бесшумнее, разулись, чтобы не хрустеть ветками. Они крались между кустами, замирали при каждом шорохе, всматривались в высокую траву в поисках серых, пушистых спинок.

Кролики были там. Они сидели в норах, спрятавшись в корнях деревьев, замаскировавшись под кочки. Иногда кто-то из них высовывал нос, нюхал воздух и снова прятался. Но они не убегали. Не боялись. Потому что они знали, что им ничего не угрожает.

Первым не выдержал молодой парень, маг 15-го уровня по имени Спаркли. Он попытался подкрасться к ближайшему кролику, который сидел у ручья и, кажется, пил воду. Спаркли двигался медленно, пригнувшись, вытянув руки. Метр. Полметра. Двадцать сантиметров. Еще чуть-чуть...

Кролик, не оборачиваясь, прыгнул в сторону — легко, играючи, словно дразнил незадачливого охотника. Спаркли, не удержав равновесия, рухнул лицом в ручей. Вода была холодной, и он, фыркая и отплевываясь, вскочил на ноги, но кролик уже исчез.

— Чёрт! — заорал он. — Чёрт, чёрт, чёрт!

— Тихо! — рявкнул Рейнджер. — Ты распугаешь остальных!

— Каких остальных?! — Спаркли обернулся к нему, и на его лице была написана такая ярость, такое отчаяние, что Рейнджер невольно отступил на шаг. — Ты видишь здесь остальных?! Я не видел ни одного кролика за последние полчаса! Они тут, но они... они издеваются над нами! Они знают, что мы не можем их поймать!

И тут, словно в ответ на его слова, на другом конце поляны раздался крик. Высокий, пронзительный, почти женский. Все обернулись и увидели Кривого Ножа. Он лежал на земле, схватившись за ногу, и орал от боли. Рядом с ним стоял еще один игрок — женщина-маг с ником Туман, — и держала в руках какой-то предмет.

— Что случилось? — Рейнджер бросился к ним.

— Кролик, — прохрипел Кривой Нож. — Я почти схватил его. Почти. А он... он укусил меня за ногу!

— Кролики не кусаются, — нахмурился Рейнджер. — Это мирные mobs. У них нет атаки.

— Этот — кусается! — Кривой Нож показал на свою ногу. На голени, чуть выше щиколотки, красовались две аккуратные, почти хирургические ранки от кроличьих зубов. Из них

сочилась кровь, и над головой парня уже висела иконка нового дебаффа: «Укус бешеного кролика. Эффект: снижение скорости передвижения на 10%. Длительность: 2 часа».

Рейнджер долго смотрел на ранку, потом на Туман, которая всё еще держала в руках какой-то предмет.

— Что это у тебя? — спросил он.

— Отпугиватель, — ответила она, показывая небольшую, тускло светящуюся сферу. — Я нашла его в траве. Валялся, как мусор. Но он... он работает. Я активировала его, и кролики разбежались. Все. Вообще все. Я думала, он их отпугивает, а он... — она замолчала, глядя на сферу.

— А он что? — спросил Рейнджер.

— А он их приманивает, — тихо сказала Туман. — Только не на мясо. А на нас. Они чувствуют этот запах и сходят с ума. Они становятся агрессивными. Я не знаю, кто это сделал. Но это не просто блокада. Это... это...

Она не договорила. Потому что с другой стороны поляны уже доносились новые крики — кролики, маленькие, пушистые, безобидные на вид кролики, вылезали из нор и бросались на людей. Их укусы не наносили серьезного урона, но они были болезненными, унижительными и — что самое страшное — лишали последней надежды. Последний источник еды, последний шанс выжить, превратился в ловушку. И где-то там, далеко, человек, который это устроил, сидел в своем кресле и, возможно, даже не знал о происходящем.

Или знал.

Часть 3. В подвале: Нити и зеркала

Иван Петрович знал.

Он сидел в подвале, перед ним, на грубо сколоченном столе, лежали глиняные таблички с отчетами. «Глаз-трава», растущая на Лунной поляне, передавала картинку в реальном времени, и он видел всё: как Рейнджер упал духом, как Кривой Нож корчился от боли, как Туман активировала отпугиватель — тот самый, который он, Иван Петрович, через Бухгалтера Сидорова продал «Бабушкиному погребку» на прошлой неделе. Отпугиватели, которые должны были защищать новичков от агрессивных мобов, теперь работали наоборот — привлекали кроликов к людям. Это была случайность. Побочный эффект мутации, которую Иван Петрович добавил в рецепт, сам того не желая. Или, может быть, не случайность. Может быть, его подсознание, та часть его существа, которая срослась с растениями и грибами, уже действовала самостоятельно, создавая всё более и более изощренные средства контроля.

Он не испытывал радости от увиденного. Скорее — глухую, ноющую тяжесть где-то под сердцем. Он не хотел, чтобы так было. Он хотел, чтобы люди могли есть. Он сам всю жизнь выращивал хлеб для людей. Но сейчас его хлеб стал оружием. Его зерно — инструментом принуждения. Его знания — проклятием.

— Вот так-то, — сказал он, обращаясь к Дендроиду-стражу, который замер у входа в подвал и тихо гудел. — Думал я, что выращиваю морковь, а оказалось — выращиваю революцию. Или тиранию. Как посмотреть.

Страж, разумеется, не ответил. Но его глаза — два тусклых, жёлтых пятна — на мгновение вспыхнули ярче, словно существо хотело что-то сказать, но не находило слов.

Иван Петрович вернулся к столу и разложил перед собой карту сервера. Она была утыкана красными флажками — каждый обозначал зону, где «Бабушкин погребок» имел влияние. Флажков было много. Очень много. Они покрывали почти всю карту. Иван Петрович смотрел на них и думал.

Экономическая война — это не просто скупка товаров. Это психология. Это умение предвидеть действия противника на десять шагов вперед. «Ястребы» сейчас агонизировали, но они еще не были мертвы. У них оставались ресурсы — не зерно, не травы, а кое-что другое. У них оставались союзники. Мелкие гильдии, которые еще не примкнули к «Погребку» из страха или из гордости. Независимые фермеры, которые прятали зерно в тайниках, ожидая, когда цены поднимутся еще выше. И, самое главное, у них оставалась надежда. Надежда на то, что голод закончится. Что рынок восстановится. Что всё вернется на круги своя.

Иван Петрович должен был лишить их этой надежды.

— Рика, — позвал он, активируя амулет связи.

Ответ пришел через несколько секунд. Голос аналитика «Северных Волков», как всегда, был спокойным и деловитым:

— Слушаю, Агроном.

— Докладывай обстановку по городу.

— Плохо, — коротко ответила она. — Даже хуже, чем мы ожидали. Голод достиг критического уровня. Вчера зафиксировано три случая смерти от истощения — игроки просто не смогли вовремя найти еду и умерли, потеряв уровни. В общем чате паника. Люди обвиняют «Ястребов», но многие уже начинают догадываться, что за голодом стоит кто-то другой.

— Кто-то другой, — повторил Иван Петрович. — Это плохо. Если они узнают обо мне, они поймут, что я и есть источник проблем. И тогда они объединятся против меня. Допустить этого нельзя.

— Я понимаю, — кивнула Рика. — Но что ты предлагаешь? Ослабить блокаду? Выбросить на рынок часть запасов?

— Нет, — отрезал Иван Петрович. — Ослабить блокаду — значит дать «Ястребам» шанс. Они воспользуются этим, чтобы закупить провиант и восстановить силы. Мы не можем этого допустить. Вместо этого мы должны... отвлечь их. Дать им что-то, что они будут считать спасением, но что на самом деле будет лишь новой ловушкой.

— О чем ты?

— О похлебке, — Иван Петрович усмехнулся. — «Похлебка из ремней». Я слышал о ней сегодня от одного игрока в городе. Говорят, её продают за пятьдесят золотых. Это сумасшедшие деньги. Но люди покупают. Потому что выбора нет. Я хочу, чтобы мы начали продавать её — но не через «Погребок», а через подставных лиц. Пусть думают, что это контрабанда. Что кто-то нашел способ обходить блокаду.

— Но это же... — начала Рика, но осеклась. — Подожди. Ты хочешь, чтобы мы продавали им баланду из кожи и отбросов? За бешеные деньги? И это при том, что у нас есть зерно и мясо?

— Именно, — подтвердил Иван Петрович. — Если мы просто выбросим зерно на рынок, они успокоятся. Они наедятся, восстановят силы и снова пойдут на меня войной. А если мы будем продавать им эту похлебку — они будут сыты ровно настолько, чтобы не умереть, но недостаточно, чтобы воевать. Они будут тратить последние деньги на еду, которая не дает им ничего, кроме временного насыщения. Их золото будет перетекать в наши карманы. Их силы будут таять. Их воля будет слабеть. Это не блокада, Рика. Это... — он задумался, подбирая слово.

— Это геноцид, — тихо сказала Рика.

— Это война, — жестко ответил Иван Петрович. — Я не нападал на них. Я не хотел этой войны. Но если они хотят уничтожить меня — я буду защищаться. И если для этого нужно, чтобы они ели кожу и кости, — они будут есть кожу и кости.

Рика молчала. Иван Петрович слышал её дыхание — ровное, но чуть более тяжелое, чем обычно. Она была аналитиком. Она привыкла к циничным расчетам. Но даже для неё это было слишком.

— Ты изменился, Агроном, — сказала она наконец. — Раньше ты был... мягче. Добрее. Ты говорил о том, что не хочешь убивать. Что ты просто фермер.

— Я и сейчас фермер, — ответил Иван Петрович. — Просто мой урожай теперь — не только пшеница.

Он прервал связь и откинулся на спинку стула. В подвале было тихо. Компостный чан тихо гудел в углу, перерабатывая очередную порцию органики. Семя-конструкт Эхо в своей кадке слабо пульсировало, запоминая структуру мира. А где-то там, наверху, на поверхности, за сотни километров от фермы, люди жевали ремни и молились о чуде.

Иван Петрович закрыл глаза и попытался представить, что сейчас чувствует Архонт. Сидит ли он в своем шатре, читая отчеты о панике в городе? Кричит ли на подчиненных? Требует ли найти выход? Или, может быть, он уже понял, что выхода нет. Что война проиграна. И что единственный способ выжить — это капитуляция.

Но Иван Петрович знал, что Архонт не капитулирует. Не тот характер. Он будет драться до конца. До последнего солдата. До последней монеты. До последнего вздоха.

И значит, война продолжалась.

Часть 4. Костер на окраине

Вечер того же дня застал группу Рейнджера на окраине Лунной поляны. Они разбили лагерь у старого дуба — того самого, под которым когда-то, много лет назад, сидел какой-то легендарный охотник, чье имя уже забылось. От охоты на кроликов пришлось отказаться: агрессивные mobs, атаковавшие людей, сделали невозможным ни ловлю, ни даже простое нахождение на поляне. Несколько игроков были укушены до крови и теперь сидели в стороне, залечивая раны. Остальные собрались у костра, который развел Рейнджер, и молча смотрели на огонь.

— Ненавижу, — вдруг сказал Кривой Нож, нарушая молчание. Его голос был глухим, уставшим. — Ненавижу того, кто это делает. Кто скупает еду. Кто превратил нас в скотов, которые жрут ремни и лижут миски. Я не знаю, кто он. Но я его ненавижу.

— Не его, а их, — поправил Эйнар, который, несмотря на свой высокий уровень и голод, каким-то чудом оставался спокойным. — Ты думаешь, один человек мог такое устроить? Это картель. «Бабушкин погребок». Я слышал о них. Говорят, у них склады, битком набитые зерном. У них золото, которое они отнимают у нас. У них наемники, которые охраняют их добро. Это не один человек, парень. Это система.

— Да плевать, система или нет! — Кривой Нож вскочил на ноги. — Я хочу есть! Я умираю! Мой перс сдохнет через два часа, если я не найду хоть что-то! А всё, что у меня есть, — это три золотых и ремень, который я уже почти доел! Что мне делать?! Скажи мне, что мне делать?!

Эйнар долго смотрел на него. Потом перевел взгляд на свой легендарный двуручный меч, лежащий рядом. Меч, который он выбил из лап Древнего Дракона два года назад. Меч, с которым он прошел десятки рейдов. Меч, который стоил целое состояние.

— Держи, — сказал он, протягивая меч Кривому Ножу.

Парень опешил.

— Ты... ты что?

— Бери. Продашь его. За него дадут... даже не знаю, сколько сейчас дают за легендарки. Может, пять буханок. Может, десять. Этого тебе хватит на неделю. А мне он всё равно не нужен. Я не могу сражаться. Слишком голоден. Слишком слаб. Так пусть хоть тебе послужит.

Кривой Нож взял меч. Его руки дрожали. Он смотрел на легендарный клинок, на рубины в рукояти, на выгравированную надпись «Несокрушимый», и по его лицу текли слёзы — настоящие, не игровые. Виртуальная реальность «Артары» передавала эмоции без искажений, и сейчас, глядя на плачущего парня с мечом в руках, Иван Петрович (который наблюдал за сценой через «Глаз-траву») почувствовал, как внутри у него что-то переворачивается. Он хотел отвернуться. Переключиться на другой канал. Заняться удобрениями. Но не мог. Что-то держало его, заставляя смотреть.

— Спасибо, — прошептал Кривой Нож. — Я... я не знаю, как тебя благодарить.

— Не благодари, — ответил Эйнар, отворачиваясь. — Просто живи.

У костра снова воцарилась тишина. Кто-то достал из заплечного мешка последние крошки сухого пайка и поделил между всеми. Кто-то лег спать, укрывшись плащом. Кто-то сидел, уставившись в огонь, и думал о чем-то своем.

Иван Петрович закрыл глаза и отключился от «Глаз-травы». Он больше не мог на это смотреть. Он сделал глоток остывшего чая, поморщился и поставил кружку на стол. Потом встал, подошел к кадке с «Семенем-конструктом Эхо» и долго смотрел на пульсирующий в земле шарик. Семя было холодным. Всегда холодным. Но сейчас, в свете масляной лампы, оно казалось почти живым. Почти разумным.

— Вот так-то, — сказал он, обращаясь к семени. — Ты спишь, а там люди ремни жуют. Из-за меня. Из-за того, что я сделал. А что мне было делать? А?

Семя молчало. Иван Петрович вздохнул, отвернулся и пошел наверх, к выходу. На крыльце его ждал Дендроид-страж. Он стоял, как всегда, на посту, и его глаза горели ровным, жёлтым светом.

— Пойдем, — сказал ему Иван Петрович. — Прогуляемся. Проветрим голову.

Они вышли в ночь. Кровавые поля спали. Где-то вдалеке, у восточного периметра, Кусты-Плеваки несли свою вахту. Где-то у реки Бродячий корень переваривал дневную добычу. Где-то в городе люди умирали от голода. Но здесь, на ферме, было тихо. Почти мирно.

Иван Петрович прошел к краю Стены Плоты, остановился и посмотрел на восток — туда, где над холмами вставала луна. Она была багровой, как всегда над Кровавыми полями. И в её свете всё вокруг казалось пропитанным кровью.

— Что я делаю? — спросил он в пустоту. — Зачем я всё это делаю?

Страж не ответил. Но его ветви, покрытые хитиновой корой, едва заметно качнулись, словно существо пожало плечами. Или обняло хозяина за плечи.

Часть 5. Похлебка

На следующее утро аукцион ожил.

В 8:00 по серверному времени на виртуальных торгах появился новый лот. Он назывался «Похлебка из ремней (армейская)» и продавался по цене 50 золотых за порцию. Продавец был анонимным — ник скрыт за цепочкой посредников, которых отследить было невозможно. Но описание товара было составлено так профессионально, так заманчиво, что у голодающих игроков не возникало сомнений: кто-то нашел способ обходить блокаду «Бабушкиного погребка».

«Настоящая армейская похлебка из отборной кожи! — гласило описание. — Восстанавливает сытость, снимает дебафф „Голодная смерть“, не требует разогрева. Идеально для полевых условий. Ограниченная партия! Спешите!»

За первые пять минут было продано двести порций. За первый час — больше тысячи. Игроки, еще вчера жаловавшиеся на голод и проклинавшие картель, сегодня выстраивались в очереди у своих терминалов, чтобы успеть купить заветную похлебку. Они платили 50 золотых — сумму, за которую раньше можно было купить легендарное оружие, — за тарелку жидкого варева, сваренного из кожаных обрезков, костей и каких-то трав, которые Иван Петрович выращивал на своей ферме.

Похлебка давала +5 к сытости. Это означало, что для полного насыщения игроку нужно было съесть десять порций. Десять порций по 50 золотых — 500 золотых за один прием пищи. Для сравнения: месячный доход среднего игрока в «Артаре» до начала блокады составлял около 300 золотых. Теперь этих денег хватало на полтарелки супа.

Но люди покупали. Потому что выбора не было.

К полудню «Похлебка из ремней» стала главной темой обсуждения в общем чате. Её ругали, её проклинали, над ней смеялись — но продолжали покупать. Игроки, которые еще вчера были готовы бунтовать и идти штурмом на склады картеля, сегодня покорно несли свои деньги анонимному продавцу, благодаря судьбу за то, что хоть что-то можно купить.

Иван Петрович наблюдал за этим из своего подвала. Его губы были плотно сжаты, а глаза — холодны, как лед. «Глаз-трава» передавала картинку с улиц Артариума: очереди у терминалов аукциона, люди, которые тут же, на площади, открывали банки с похлебкой и жадно, давясь, ели её. Некоторые плакали. Некоторые смеялись. Некоторые просто сидели с пустыми глазами, держа в руках пустую банку, словно это была не тарелка супа, а последняя надежда.

— Ну вот, — сказал Иван Петрович, обращаясь к Дендроиду-стражу. — Теперь они сыты. Сыты ровно настолько, чтобы не умереть. И счастливы. А всё остальное... всё остальное они забудут.

— Ты думаешь, они забудут? — раздался голос из амулета связи. Это была Рика. Она тоже следила за аукционом.

— Забудут, — ответил Иван Петрович. — Голодный человек думает только о еде. Когда еда есть — пусть даже такая, — он успокаивается. Он перестает бунтовать. Он начинает думать, как заработать на следующую порцию. И пока он думает об этом, он не думает о войне.

— Это цинично, — сказала Рика.

— Это правда.

Рика помолчала, потом спросила:

— Сколько мы заработали за утро?

Иван Петрович взглянул на табличку с цифрами, которую вел Бухгалтер Сидоров.

— Почти пятьдесят тысяч золотых, — сказал он. — За один час. Это больше, чем мы тратим на скупку зерна за целый день. Мы в плюсе.

— В плюсе, — повторила Рика. — А что будет, когда у них кончатся деньги? Они ведь не могут бесконечно покупать похлебку. У них кончатся средства. И тогда...

— Тогда мы предложим им работу, — закончил Иван Петрович. — Мы предложим им вступить в «Погребок». Стать нашими батраками. Возделывать землю. Охранять склады. Перевозить зерно. За это они будут получать паёк — не похлебку, а нормальную еду. С баффами. С мясом. С хлебом. И они согласятся. Потому что выбора не будет.

— А если они не согласятся?

— Тогда они умрут, — просто сказал Иван Петрович. — Или найдут другой способ выжить. Но это их выбор. Я никого не заставляю.

Рика долго молчала. Когда она заговорила, её голос был тихим и каким-то... уставшим.

— Агроном, я работаю с тобой уже несколько недель. Я помогала тебе создавать картель. Я видела, как ты побеждал «Ястребов». Я знаю, что ты не злой человек. Ты просто защищаешь свою землю. Но то, что ты делаешь сейчас... это уже не защита. Это... — она замялась. — Это «Ястребы». Ты становишься ими.

Иван Петрович не ответил. Он сидел, глядя на табличку с цифрами, и молчал. Дендроид-страж за его спиной тихо гудел, словно пытался что-то сказать, но не находил слов.

— Может быть, — сказал Иван Петрович наконец. — Может быть, я и становлюсь ими. Но пока я играю по их правилам, я жив. И моя ферма жива. И мои растения живы. А что будет потом... — он вздохнул. — Потом посмотрим.

Он отключил связь и откинулся на спинку стула. В подвале было тихо. Только компостный чан тихо булькал в углу, перерабатывая очередную порцию органики.

А наверху, в городе, люди ели похлебку из ремней и благословляли неведомого продавца, который спас их от голодной смерти.

Часть 6. Вечер на ферме

Когда солнце начало клониться к закату, Иван Петрович вышел в поле. Его сапоги мягко ступали по рыхлой, плодородной земле, которая знала его руки и отвечала ему благодарностью. Он прошел мимо грядки с мутировавшей морковью (которая теперь была способна выстреливать семенами на расстояние десяти метров), мимо делянки с Золотой пшеницей (которая тихо звенела колосьями на ветру, как поющая трава), мимо ограды из Колючей сети (которая при виде хозяина почтительно расступалась, убирая шипы), и вышел к восточному краю фермы.

Здесь, на небольшом холме, он посадил дуб. Обычный дуб, не мутировавший, не скрещенный ни с чем. Просто дерево. Он посадил его в первый день, когда понял, что эта земля станет его домом. И сейчас дуб был высоким, раскидистым, с мощным стволом и густой кроной. Иван Петрович сел под ним, привалился спиной к теплой коре и закрыл глаза.

«Шёпот флоры» пел ему о том, что всё хорошо. Что границы под охраной. Что урожай зреет. Что Бродячий корень переваривает очередную партию мародеров. Что в городе люди покупают похлебку и не думают о войне. Что «Ястребы» слабеют с каждым днем. Что блокада работает.

Но где-то в глубине этого хора, на самой границе слышимости, звучала другая нота. Едва уловимая. Тревожная. Она говорила о том, что так не может продолжаться вечно. Что рано или поздно кто-то должен прийти и остановить этот хаос. Что власть, построенная на голоде, — непрочная власть. И что те, кто сегодня едят похлебку из ремней, завтра могут пойти на штурм его фермы. Не потому, что они сильнее «Ястребов». А потому, что голодный человек способен на всё.

Иван Петрович открыл глаза. Рядом с ним стоял Дендроид-страж. Его ветви были опущены, а глаза горели ровным, успокаивающим светом.

— Знаешь, — сказал Иван Петрович, — когда-то давно, еще в совхозе, я спорил с председателем. Он хотел засеять всё поле пшеницей, а я говорил, что нужно оставить часть земли под пар. Он кричал, что я торможу прогресс. А я говорил, что земля не может плодоносить без отдыха. Она истощается. Устает. Как человек. Он меня не послушал. Засеял всё. И на следующий год мы получили такой неурожай, что совхоз еле выжил. Потому что он забыл: земля — она живая. И с ней нужно считаться.

Страж моргнул.

— Вот и сейчас, — продолжал Иван Петрович. — Я могу скупить всё зерно на сервере. Могу заставить людей есть ремни. Могу превратить их в своих батраков. Но это... это как сеять без отдыха. Рано или поздно земля перестанет родить. Рано или поздно люди перестанут терпеть. И тогда... — он не закончил.

Страж тихо гудел, словно соглашаясь.

— Ладно, — сказал Иван Петрович, поднимаясь. — На сегодня работа закончена. Завтра будет новый день. А пока...

Он посмотрел на закат. Небо над Кровавыми полями было багровым, как всегда. Но сегодня в этом багрянце ему почудился не цвет крови, а цвет созревшей пшеницы.

— А пока будем жить, — сказал он и зашагал к мельнице.

Ночь накрыла Кровавые поля. Где-то в городе, в своей каморке под крышей, Кривой Нож доедал последнюю порцию «Похлебки из ремней» и думал о завтрашнем дне. Где-то в лагере «Ястребов» Архонт, склонившись над картой, разрабатывал новый план атаки. Где-то в подземных хранилищах «Медного цеха» гномы пересчитывали мешки с зерном и радовались прибыли. А в старой каменной мельнице у реки, окруженной колючей стеной и охраняемой молчаливыми растениями-убийцами, спал старый агроном.

Ему снилась пшеница. Золотая, бескрайняя, волнующаяся под ветром, как море. Он шёл по этому морю, трогал колосья руками, вдыхал запах свежее испечённого хлеба и улыбался.

Но где-то на краю поля, у самого горизонта, уже собирались тучи. Администрация игры, получившая жалобы от игроков, начала расследование. «Ястребы», доведенные до отчаяния, готовились к последнему штурму. А где-то глубоко под землей, в цифровых слоях кода, пробуждался Пожиратель Данных — баг, который мог уничтожить не только ферму, но и весь сервер.

Но всё это будет потом. А пока — тишина. Покой. И золотая пшеница, волнующаяся под ветром.

— —

[Продолжение следует...]

Глава 2. Союзники поневоле

Часть 1. Утро после похлебки

Иван Петрович проснулся, как всегда, до рассвета, но в это утро что-то было не так. «Шёпот флоры» — его верный внутренний голос, ставший за эти недели таким же привычным, как биение сердца, — звучал сегодня иначе. Не тревожно, нет. Скорее, вопросительно. Словно растения, его бессменные стражи, тоже чувствовали: воздух изменился. Что-то надвигалось. Что-то, чего они не могли ни распознать, ни классифицировать.

Он сел на соломенной подстилке, нащупал сапоги, натянул их, не зажигая лампы. В темноте его руки двигались сами, выполняя давно заученный ритуал: сапоги, пояс, рубаха, неизменная соломенная шляпа. Тяпка — его единственное оружие, его верная спутница — сама легла в ладонь, словно продолжение руки. Он не думал о том, что делает. Тело помнило. Мысли были заняты другим.

Город жил странной, судорожной жизнью.

Через «Глаз-траву», рассаженную по всему Артариуму, Иван Петрович видел то, чего не показывали официальные стримы и о чем молчали гильдейские аналитики. Улицы, еще неделю назад напоминавшие кладбище, теперь были заполнены людьми. Но это была не та толпа, что прежде шумела у аукциона, заключая сделки и выкрикивая цены. Эта толпа была молчаливой, сосредоточенной, почти ритуальной. Люди двигались от терминала к терминалу, выстаивали длинные, унылые очереди и покупали. Покупали «Похлебку из ремней».

Тарелка жидкого, мутного варева, сваренного из кожаных обрезков, костной муки и каких-то трав, которые Иван Петрович в изобилии выращивал на своей ферме, стала главной валютой города. Пятьдесят золотых за порцию. Пятьсот — за дневной рацион. Суммы, которые раньше были под силу только топ-гильдиям, теперь выкладывали обычные игроки, продавая последнее: доспехи, оружие, артефакты, амулеты, редкие ингредиенты, даже аккаунты. Всё, что нажито непосильным трудом за годы игры, уходило с молотка за несколько тарелок баланды.

Иван Петрович наблюдал за этим из своего подвала, и губы его были плотно сжаты, а глаза — холодны, как лед. Он не испытывал радости. Не испытывал гордости. Только глухую, ноющую тяжесть где-то под сердцем. «Похлебка из ремней» была его идеей — способом поддерживать блокаду, не вызывая массовых смертей, которые могли бы привлечь внимание администрации. Он думал, что это будет временной мерой. Думал, что люди найдут другой выход. Но они не нашли. Они покорно несли свои деньги, благодаря судьбу за то, что хоть что-то можно купить. И с каждым днем становились всё слабее, всё зависимее, всё покорнее.

— Рика, — позвал он, активируя амулет связи.

Ответ пришел почти мгновенно. Аналитик «Северных Волков», как всегда, была на связи — она, кажется, вообще не спала в последние дни.

— Слушаю, Агроном.

— Докладывай обстановку по городу.

— Стабильно-критическая, — голос Рики был сухим, деловитым, но в нем слышалась усталость. — Похлебка продается. За вчерашний день мы реализовали три тысячи двести порций. Прибыль — сто шестьдесят тысяч золотых. За вычетом издержек на производство и логику — около ста сорока тысяч чистыми.

— Я не о прибыли, — перебил ее Иван Петрович. — Я о людях. Что они делают? Что говорят?

Рика помолчала, собираясь с мыслями.

— Они... адаптируются, — сказала она наконец. — Это самое страшное. Первые дни была паника. Крики в общем чате, угрозы, проклятия в адрес «Бабушкиного погребка». Но сейчас паника улеглась. Люди поняли, что криком делу не поможешь. Они начали приспосабливаться. Продают вещи. Берут займы. Объединяются в группы, чтобы скидываться на похлебку вскладчину. Кто-то пытается фармить низкоуровневых мобов, но, как ты знаешь, мы выкупили все ловушки и отпугиватели, так что охота практически невозможна. Кто-то уходит в другие регионы — но там та же ситуация, потому что наши партнеры из «Погребка» работают по всему континенту.

— А «Ястребы»?

— Молчат. У них, по нашим данным, запасов почти не осталось. Argentum пытался договориться с контрабандистами с других серверов, но мы перехватили канал через Серебряную Лису. Архонт в бешенстве, но ничего не может сделать. Они сидят в своем замке и зализывают раны.

Иван Петрович задумался. Это было непохоже на Архонта. Тот не умел сидеть сложа руки — он всегда действовал, всегда нападал, всегда искал выход. Если он замолчал и затих, значит, он что-то замышляет. Что-то, о чем Рика не знает. Что-то, что может стать сюрпризом.

— Продолжай наблюдение, — сказал он. — Если заметишь что-то необычное — любую активность «Ястребов», любые передвижения войск, любые попытки скупки, — докладывай немедленно.

— Поняла. И еще одно, Агроном... — Рика замялась. — В общих чатах формируются группы. Они называют себя «ходящие». От слова «ходить к деду».

— К какому деду? — не понял Иван Петрович.

— К тебе, — прямо сказала Рика. — Люди догадываются, что за голодом стоишь ты. Не все, но многие. И они... они собираются идти к твоей ферме. Не с оружием — с просьбой.

— С просьбой о чем?

— О работе. Они хотят просить тебя взять их в батраки. За еду.

В подвале повисла тишина. Даже компостный чан, обычно мерно булькавший в углу, на мгновение затих, словно тоже прислушивался к разговору. Иван Петрович сидел, сжимая в руке амулет, и пытался осмыслить услышанное. Он ждал чего угодно — штурма, найма убийц,

диверсий, попыток подкупа. Но не этого. Люди, которых он морил голодом, которым он продавал баланду по цене легендарного оружия, у которых он отнял всё, что у них было, — эти люди собирались идти к нему с поклоном. Просить работы.

— Это ловушка? — спросил он наконец.

— Не похоже, — ответила Рика. — Я проанализировала чаты. Сообщения идут от реальных игроков, многие из которых известны на сервере. Лидер группы — следопыт по имени Рейнджер. Ты, возможно, помнишь его по отчетам с Лунной поляны. С ним еще танк Эйнар — бывший ветеран «Ястребов», который теперь тоже голодает. И несколько десятков человек — в основном низкоуровневые игроки, ремесленники, наемники без гильдии. Все они на грани смерти от истощения. Если это ловушка, то очень хорошо замаскированная.

— Хорошо замаскированная ловушка — это именно то, что мог бы придумать Архонт, — заметил Иван Петрович. — Подослать ко мне толпу «просителей», среди которых спрячутся его ассасины. Дождаться, пока я открою ворота. И ударить.

— Я тоже об этом подумала, — согласилась Рика. — Но есть одна деталь. Эйнар, который идет с ними, — он действительно ушел из «Ястребов». Официально. Мы проверяли. Его ник удален из гильдейских списков еще неделю назад. Он поругался с Архонтом из-за того, что тот бросил своих солдат умирать от голода. Так что если это и ловушка, то без участия «Ястребов».

Иван Петрович долго молчал. Он думал о том, как странно повернулась его жизнь. Когда-то он был простым агрономом, который хотел выращивать морковь. Потом стал полководцем, командующим армией растений. Потом — тeneвым правителем сервера, главой картеля, который контролировал восемьдесят процентов всей органики в игре. А теперь, судя по всему, ему предстояло стать... работодателем? Баринoм, к которому идут на поклон крестьяне? Председателем колхоза?

— Ладно, — сказал он наконец. — Пусть идут. Я их встречу. Но — на моих условиях.

— Каких?

— Узнаешь, когда придут, — ответил Иван Петрович и прервал связь.

Он встал из-за стола, потянулся, разминая плечи, и направился к выходу из подвала. Дендроид-страж, замерший у дверей, вопросительно загудел, но Иван Петрович только отмахнулся:

— Пойдем, проветримся. Кажется, у нас сегодня будут гости.

Они вышли на крыльцо. Рассвет уже занимался над Кровавыми полями, окрашивая небо в привычные багряные тона. Туман, поднимавшийся над рекой, стелился по земле густыми, белёсыми клочьями, и в этом тумане, словно призраки, угадывались очертания его владений. Колючая сеть на восточном периметре, восстановленная после последних боев, колыхалась на ветру. Бродячий корень, сытый и довольный, дремал в своей яме у западного края. Золотая пшеница на дальнем поле тихо звенела колосьями, словно пела утреннюю песню.

Всё было как обычно. И в то же время всё изменилось.

Иван Петрович посмотрел на восток — туда, где за холмами лежал Артариум, где люди ели похлебку из ремней и мечтали о нормальной еде, где «Ястребы» зализывали раны и строили планы, где назревало что-то новое — что-то, чего он еще не мог понять. А потом перевел взгляд на Стражу.

— Знаешь, — сказал он задумчиво, — когда-то давно, в совхозе, у нас было собрание. Председатель требовал повысить надои, а доярки жаловались, что кормов не хватает. Я тогда сказал: «Давайте сначала корма наладим, а потом уж с доярок спрашивать». Председатель на меня наорал, сказал, что я торможу прогресс. А через месяц две коровы пали от истощения. И тогда он пришел ко мне — просить помощи. Хотя до этого кричал, что я враг народа.

Страж моргнул. Его глаза — два тусклых, жёлтых пятна — смотрели на хозяина с тем же невозмутимым спокойствием, с каким дерево смотрит на проходящего мимо путника.

— Вот и сейчас, — продолжал Иван Петрович. — Они кричали, что я монстр. Что я тиран. Что я должен быть уничтожен. А теперь идут ко мне просить работы. Не потому, что полюбили. А потому, что жрать охота. И я, старый дурак, наверное, их возьму. Потому что... — он запнулся, подбирая слова. — Потому что я не Архонт. Я не умею морить людей голодом и радоваться. Я умею только одно — работать. И других учить работе.

Он замолчал и долго стоял на крыльце, глядя на восходящее солнце. Потом вздохнул, поправил шляпу и зашагал к восточному периметру.

— Ладно, — бросил он через плечо Стражу. — Пошли готовиться. Гости на пороге.

Часть 2. Делегация

Они появились ближе к полудню.

«Шёпот флоры» донес до Ивана Петровича сигнал тревоги задолго до того, как первые фигуры показались на горизонте. Растения сообщали о большой группе людей — около пятидесяти, может, шестидесяти человек, — двигавшихся по восточной дороге со стороны Артариума. Они шли медленно, неровным шагом, часто останавливаясь для отдыха. Некоторые хромали. Некоторые опирались друг на друга, не в силах идти самостоятельно. Никто из них не был вооружен — это «Шёпот» определил с абсолютной точностью, потому что металл и магия ощущались растениями так же отчетливо, как запах или тепло. Никаких мечей. Никаких посохов. Никаких скрытых кинжалов. Только пустые руки, пустые желудки и — Иван Петрович чувствовал это через корневую сеть — странная, непривычная смесь страха и надежды.

Он стоял у Стены Плоты, на восточном краю своих владений, и смотрел, как делегация приближается. Рядом с ним, в нескольких шагах позади, замер Дендроид-страж. Его ветви были опущены — знак мирных намерений, который Иван Петрович специально отработал с ним за утро. Чуть дальше, замаскированные в кустах, прятались Кусты-Плеваки — на всякий случай. А под землей, глубоко, у самых корней Стены Плоты, дремал Бродячий корень, готовый в любой момент вырваться из-под земли и разметать незваных гостей.

Делегация остановилась в полусотне метров от Стены. Люди переглядывались, переминались с ноги на ногу, явно не зная, что делать дальше. Большинство из них были в потрепанной, изношенной одежде, которая еще недавно была добротными доспехами или экипировкой для рейдов, а теперь превратилась в лохмотья. У многих над головами висели красные иконки дебаффов — «Голод III степени», «Истощение», «Упадок сил». У некоторых — «Голодная смерть: до окончания 24 часа».

Впереди стояли трое. Первого Иван Петрович узнал сразу — это был Рейнджер, тот самый следопыт, которого он видел через «Глаз-траву» на Лунной поляне неделю назад. Высокий, жилистый, в потертой зеленой накидке, с длинным тисовым луком за спиной — единственным оружием во всей делегации, но и оно было разряжено: тетива ослаблена, колчан пуст. Лицо Рейнджера осунулось, под глазами залегли глубокие тени, но взгляд оставался цепким и спокойным.

Вторым был Эйнар — огромный, широкоплечий воин в доспехах из драконьей чешуи, которые даже сейчас, в потускневшем, покрытом пылью состоянии, выглядели внушительно. Его легендарный двуручный меч, который Иван Петрович видел в прошлой трансляции, отсутствовал. Вместо него Эйнар опирался на простую деревянную палку — видимо, меч был продан, как и всё остальное. Но, несмотря на голод и потери, бывший ветеран «Ястребов» держался прямо и смотрел на Стену Плоты без страха, с каким-то угрюмым, упрямым уважением.

Третьим... третьим был Кривой Нож. Тот самый парень, который неделю назад жевал собственный ремень у входа в аукцион. Он стоял чуть позади Эйнара, переминаясь с ноги на ногу, и выглядел хуже всех: кожаная броня висела на нем мешком, лицо осунулось так, что скулы, казалось, вот-вот прорвут кожу, а над головой горела зловещая иконка «Голодная смерть: до окончания 16 часов». Но в его глазах, в отличие от многих других, не было ни

страха, ни отчаяния. Только злость. Упрямая, отчаянная злость человека, который решил не сдаваться.

— Здравствуйте, — сказал Иван Петрович, не повышая голоса.

Толпа замерла. Те, кто перешептывались, замолкли. Те, кто сидел на земле, поднялись. Все взгляды устремились на старика в соломенной шляпе, который стоял перед Стеной Плоти, опираясь на тяпку, и смотрел на них спокойно, почти равнодушно.

— Здравствуй, Агроном, — ответил Эйнар. Его голос был низким, с хрипотцой, но звучал твердо. — Я — Эйнар. Бывший ветеран «Стальных Ястребов». Это Рейнджер, охотник. Это Кривой Нож, новичок. А это... — он обвел рукой толпу, — это те, кто хочет работать на тебя.

— Работать, — повторил Иван Петрович, пробуя слово на вкус. — Интересное слово. Неделию назад вы называли меня тираном. Две недели назад — монстром. Месяц назад ваши друзья из «Ястребов» пытались сжечь мою ферму дотла. А теперь вы хотите на меня работать?

— Мы не друзья «Ястребов», — возразил Рейнджер, и в его голосе прозвучала горечь. — Мы — те, кого «Ястребы» всегда презирали. Кого они использовали как пушечное мясо. Кого они кидали в бой без снаряжения, без еды, без поддержки. Я был в их рейдовой группе два года назад. Знаешь, что они сделали, когда я не смог внести еженедельный взнос? Они вышвырнули меня из гильдии и отобрали всё, что я нафармил за полгода. Всё. До последнего золотого.

— А меня они бросили умирать от голода, — добавил Эйнар. — Я был танком в первом ударном крыле. Два года я прикрывал их спины, выносил боссов, держал агро, пока они набивали урон. А когда начался голод, Архонт сказал: «Еда — только для элиты. Остальные пусть сами о себе заботятся». Я спросил его, кто будет держать щит, когда все танки умрут от истощения. Он ответил, что наймет новых. Тогда я ушел. — Он помолчал. — И знаешь, что я понял за эти недели? Что ты, Агроном, — враг. Но враг, который уважает правила. Ты не убиваешь просто так. Ты не обещаешь того, чего не можешь дать. Ты... — он запнулся, подбирая слово, — ты держишь слово. Даже когда это невыгодно.

— А я просто хочу жрать, — сказал Кривой Нож, и в его голосе прозвучало столько искренней, незамутненной злости, что Иван Петрович невольно усмехнулся. — Я не ветеран. Не философ. Не политик. Я просто хочу есть. И если для этого надо пахать на тебя — я буду пахать. Хоть грядки полоть. Хоть навоз таскать. Хоть эту вашу колючую хрень голыми руками выкорчевывать. Мне плевать. Дайте работу, дайте еду, и я сделаю всё, что скажете.

В толпе за его спиной одобрительно загудели. Кто-то выкрикнул «Да!», кто-то — «Правильно говоришь!», кто-то просто закивал. Иван Петрович поднял руку, призывая к тишине.

— Я понял вас, — сказал он, когда гул утих. — Вы пришли не воевать. Вы пришли наниматься. Что ж, это честно. Воевать вы всё равно не можете — слишком слабы. Наняться — единственное, что вам осталось. Но прежде чем я скажу «да» или «нет», я хочу задать один вопрос. Один-единственный. Ответьте мне честно, и тогда я приму решение.

Он обвел взглядом толпу, задерживаясь на каждом лице. Потом спросил:

— Почему вы пришли ко мне? Вместо того чтобы идти к «Ястребам»? Вместо того чтобы объединиться и напасть на мою ферму? Вместо того чтобы обратиться к администрации игры? Вы же могли бунтовать. Могли требовать. Могли жаловаться. Почему вы пришли сюда — без оружия, с пустыми руками — и просите работы у того, кто вас же и морит голодом?

Повисла тишина. Долгая, тягучая, как патока. Люди переглядывались, не решаясь ответить. Кто-то опустил голову. Кто-то нервно кашлянул. А потом заговорил Эйнар — медленно, взвешивая каждое слово:

— Потому что «Ястребы» нас презирают. А ты — нет. Потому что администрация ничего не сделает — они уже месяц получают жалобы и молчат. Потому что бунтовать мы не можем — слишком слабы, слишком голодны, слишком разобщены. А еще потому... — он поднял голову и посмотрел Ивану Петровичу прямо в глаза, — потому что ты, Агроном, единственный, кто в этом мире держит слово. Если ты скажешь, что дашь работу, — ты дашь работу. Если ты скажешь, что накормишь, — ты накормишь. Если ты скажешь, что убьешь за предательство, — ты убьешь за предательство. Ты не играешь в политику. Ты не плетешь интриг. Ты просто делаешь то, что обещаешь. И это... — он замолчал, подбирая слова, — это единственное, во что мы сейчас можем верить.

Иван Петрович долго молчал. Он стоял, опираясь на тяпку, и смотрел на этих людей — на этих голодных, измученных, отчаявшихся людей, которые прошли полмира, чтобы просить у него работы. И он понимал: это и есть та самая точка невозврата, о которой он думал последние дни. Он мог бы прогнать их. Мог бы сказать: «Нет, вы враги, вы мне не нужны, идите и умирайте». И тогда они уйдут — и умрут, и на их место придут другие, более злые, более отчаянные, и рано или поздно они объединятся и пойдут на штурм. Не сейчас — через месяц, через год, — но обязательно пойдут.

А мог бы принять их. Дать им работу. Дать им еду. Сделать их не врагами, а... союзниками? Нет, не союзниками. Работниками. Батраками. Членами профсоюза. И тогда его ферма перестанет быть осажденной крепостью и станет чем-то новым. Чем-то, чему он еще не мог подобрать названия.

— Ладно, — сказал он наконец. — Я вас выслушал. Теперь слушайте меня.

Толпа замерла.

— Я не благотворитель, — начал Иван Петрович, и его голос, усиленный «Шёпотом флоры», разнесся над полем, так что каждый слышал его отчетливо. — Я не добрый дедушка, который раздает пряники голодным детям. Я агроном. Я работаю с землей. И если вы хотите есть — вы будете работать. Не так, как работают наемники: сегодня здесь, завтра — у врага. Не так, как работают гильдейские ремесленники: от звонка до звонка, за фиксированную плату. Нет. Вы будете работать так, как работали наши предки в колхозах. Кто сегодня пашет — тот завтра имеет право на часть урожая. Кто сегодня сажает — тот осенью получит долю. Кто работает хорошо — будет сыт. Кто работает плохо — будет голодать. Кто пытается украсть, обмануть или предать — будет удобрением для моей пшеницы. Всё понятно. Просто. Справедливо.

Он сделал паузу, обводя взглядом притихшую толпу.

— Это не наем. Это не контракт. Это — профсоюз. Колхоз. Назовем его... «Колхоз». Никаких гильдейских рангов. Никаких привилегий для ветеранов. Никаких скидок для бывших «Ястребов». Все равны перед полем. Все получают по труду. Командиры будут выбраны из вас же — те, кто докажет свою преданность и трудолюбие. Я лично никого не назначаю. Я только устанавливаю правила и слежу за их соблюдением.

— А если мы не согласны? — выкрикнул кто-то из толпы. — Если мы не хотим в колхоз, а хотим просто работу и плату?

— Тогда идите, — спокойно ответил Иван Петрович. — Вон туда. — Он махнул рукой в сторону Артариума. — Там есть аукцион. Там есть похлебка. Там есть «Бабушкин погребок», который с радостью продаст вам баланду по пятьдесят золотых за тарелку. Вы свободные люди. Никто вас не держит.

Тот, кто выкрикнул, замолчал. Больше никто не возражал.

— Я согласен, — первым сказал Эйнар, выходя вперед. — Я работал на «Ястребов» за страх. Теперь буду работать на тебя за еду. Разница невелика. Но там я был расходным материалом, а здесь, как ты говоришь, я — член колхоза. Мне это подходит.

— Я тоже согласен, — кивнул Рейнджер. — Я всю жизнь работал один. Охота, следопытство, разведка. Но теперь дичи нет. Охотиться не на кого. Если ты дашь мне работу — я буду охранять твои поля от диких зверей и мародеров. Это то, что я умею.

— А я просто хочу есть, — сказал Кривой Нож. — Так что я в деле.

Остальные начали выражать согласие — кто криком, кто кивком, кто просто шагом вперед. Через несколько минут вся толпа стояла перед Стеной Плоти, глядя на Ивана Петровича с тем же выражением, с каким голодные смотрят на булочника, открывающего лавку: смесь надежды, недоверия и готовности подчиняться.

— Тогда слушайте мой первый приказ, — сказал Иван Петрович. — С этого момента вы — члены «Колхоза». Не наемники. Не батраки. Не рабы. Члены профсоюза. У вас есть права и обязанности. Права: вы получаете питание два раза в сутки. Утром и вечером. Не похлебку из ремней, а нормальную еду. Хлеб. Мясо. Овощи. Баффы — если заслужите. Обязанности: вы работаете там, где я скажу, и так, как я скажу. Вы подчиняетесь бригадирам, которых выберете из своих же рядов. Вы не воруете. Не лжете. Не шпионите. За первое нарушение — штраф. За второе — изгнание. За третье — удобрение.

Он помолчал, глядя на то, как эти слова оседают в головах его новых «работников».

— А теперь, — продолжал он, — чтобы вступить в «Колхоз», вы должны сделать одну простую вещь. Символическую. Но важную.

Он повернулся к Дендроиду-стражу и подал ему мысленный сигнал. Страж медленно, со скрежетом, который заставил вздрогнуть передние ряды, раздвинул ветви, открывая проход в Стене Плоти. За ней, на небольшом поле у восточного края фермы, виднелись длинные ряды свежевспаханной земли. Ничего не росло там — только черная, жирная, подернутая утренней влагой земля.

— Это — общее поле «Колхоза», — сказал Иван Петрович. — Сегодня здесь ничего нет. Через месяц здесь будет пшеница. Не золотая — обычная. Сытая. Та, которая кормит, а не бафает. Каждый из вас, кто хочет вступить в «Колхоз», должен посадить в эту землю одно зерно. Одно-единственное. Своими руками. Без магии. Без инструментов. Просто пальцем сделать лунку, бросить зерно и закопать.

— Зачем? — спросил кто-то из толпы.

— Затем, что земля запоминает, — ответил Иван Петрович. — Она запоминает руки, которые её трогают. Она запоминает тех, кто вкладывает в неё свой труд. И пока ваше зерно будет расти здесь, на моей земле, вы будете под моей защитой. Не потому, что я добрый. А потому, что земля не прощает тех, кто бросает своих.

Это был, конечно, отчасти блеф. «Шёпот флоры» действительно мог отслеживать состояние каждого посаженного зерна и передавать эту информацию Ивану Петровичу, но никакой магической клятвы верности этот ритуал не накладывал. Однако символизм был важен. Иван Петрович знал это по опыту: люди больше верят в то, что сделали своими руками, чем в то, что им дали готовым. И если эти голодные, отчаявшиеся игроки посадят своё зерно в его землю, они будут считать эту землю своей — хотя бы отчасти. А значит, будут её защищать.

Первым вышел вперед Эйнар. Он подошел к полю, опустился на колени, взял из рук Ивана Петровича горсть зерен и долго смотрел на них, словно видел впервые в жизни. Потом выбрал одно, самое крупное, пальцем проковырял в земле неглубокую лунку, положил зерно и засыпал землей. Прихлопнул ладонью — сильно, по-крестьянски. И поднялся.

— Готово, — сказал он.

За ним последовал Рейнджер. Он не стал опускаться на колени — сел на корточки, быстро и ловко, как привык сидеть в засадах, и так же быстро посадил зерно. Поднялся, отряхнул руки и отошел в сторону.

Кривой Нож подошел третьим. Его руки дрожали — от слабости, от голода, от напряжения, — но когда он взял зерно, дрожь унялась. Он аккуратно, даже бережно, как будто это было не зерно, а хрупкий артефакт, положил его в землю, засыпал и долго сидел на корточках, глядя на то место, где только что скрылось семя.

— Я никогда не сажал ничего, — сказал он тихо. — Я всю жизнь только убивал и грабил. Фармил мобов. Собирал лут. А сажать — не сажал. Это... странно.

— Это работа, — ответил Иван Петрович. — Привыкай.

Остальные потянулись к полю один за другим. Каждый брал зерно, сажал его в землю и отходил. Процесс занял около часа. Всё это время Иван Петрович стоял у края поля, опираясь на тятку, и смотрел. Дендронид-страж за его спиной тихо гудел, сканируя новоприбывших на предмет скрытой угрозы. Но угрозы не было. Были только голодные, измученные люди, которые впервые за много дней получили надежду.

Когда последний из делегатов посадил своё зерно, Иван Петрович вышел в центр поля и обвел взглядом собравшихся.

— Вот и всё, — сказал он. — С этой минуты вы — члены «Колхоза». Через месяц здесь взойдет пшеница. Она будет вашей. Не моей — вашей. Общей. Вы будете её растить, поливать, удобрять. А когда придет время — соберете урожай. И тогда вы поймете, почему я называю это не работой, а жизнью.

— А до того месяца? — спросил кто-то. — Мы же не можем месяц ждать. Мы сейчас голодны.

— До того месяца вас кормлю я, — ответил Иван Петрович. — Из своих запасов. Но не думайте, что это даром. За еду вы будете работать. Сегодня же. Сейчас же. Прямо на этом поле. Нужно вскопать еще десять грядок под овощи, разбить лагерь у западного края, вырыть дренажную канаву к реке и разметить площадки для будущих теплиц. Еды хватит на всех — если все будут работать.

Он повернулся к Эйнару и Рейнджеру:

— Вы двое — бригадиры. Эйнар отвечает за тяжелые работы и оборону. Твои люди — танки, дамагеры, все, кто привык сражаться. Они будут копать канавы, таскать бревна, строить укрепления. Рейнджер — ты отвечаешь за охоту и разведку. Твои люди — следопыты, лучники, все, кто умеет читать следы и ставить силки. Они будут патрулировать периметр, следить за дичью и докладывать о любой угрозе.

— А я? — спросил Кривой Нож.

— А ты будешь моим учеником, — усмехнулся Иван Петрович. — Я старый. Мне нужен помощник. Будешь таскать удобрения, вести записи, поливать грядки. Работа грязная, но полезная. Научишься — может, сам станешь агрономом. А нет — так хоть узнаешь, откуда берется хлеб.

Кривой Нож нахмурился — ему явно не очень понравилось назначение в «ученики», — но спорить не стал. Что-то в глазах Ивана Петровича подсказывало ему, что спорить сейчас не стоит.

— А теперь, — сказал Иван Петрович, поворачиваясь ко всем, — за работу.

Часть 3. Создание «Колхоза»

Первые часы работы нового «Колхоза» напоминали муравейник, в который плеснули кипятком. Люди, еще утром бывшие толпой голодных, отчаявшихся одиночек, теперь металась по полю, хватались за инструменты, которых не хватало, спорили, кричали, путались под ногами. Эйнар, назначенный бригадиром тяжелых работ, орал на танков, которые не могли поделить единственную лопату. Рейнджер пытался построить следопытов в патрульную цепь, но те, ослабленные голодом, еле передвигали ноги и норовили присесть через каждые десять шагов. Кривой Нож, получивший в распоряжение тачку с компостом, умудрился опрокинуть её на себя и теперь стоял по уши в перегное, ругаясь сквозь зубы.

Иван Петрович наблюдал за этим хаосом с крыльца мельницы, попивая травяной отвар, и не вмешивался. Он знал: любой новый коллектив должен переболеть этой болезнью — хаосом первых часов. Если он сейчас начнет раздавать приказы и поправлять ошибки, люди научатся подчиняться, но не научатся думать. А ему нужны были не просто исполнители. Ему нужны были работники, которые сами, без его постоянного контроля, будут понимать, что и как делать.

Дендроид-страж стоял рядом, у входа в мельницу, и его глаза горели ярче обычного. Существо, казалось, было сбито с толку: столько людей на территории, и никого нельзя атаковать, хватать и тащить в яму к Бродячему корню. Это противоречило его инстинктам, и он тихо, но настойчиво гудел, словно жалуясь.

— Терпи, — сказал ему Иван Петрович. — Это теперь наши.

Страж моргнул и, кажется, успокоился.

К полудню хаос начал понемногу утихать. Эйнар, проявив неожиданные организаторские способности, разбил своих подопечных на тройки и раздал им конкретные задачи: одна тройка копает канаву, другая таскает бревна с опушки, третья размечает площадки. Рейнджер, поняв, что его следопыты слишком слабы для полноценного патрулирования, посадил их на землю и велел плести силки и капканы — те самые, которые «Бабушкин погребок» выкупил на аукционе, лишив охотников инструментов. Теперь, когда Иван Петрович разблокировал часть запасов, работа закипела.

Кривой Нож, отмывшись от компоста в ручье, вернулся на поле и был приставлен к записям. Иван Петрович выдал ему глиняную табличку и тыквенное семечко — свою неизменную ручку — и велел записывать всё, что происходит: кто что делает, сколько времени тратит, какие инструменты использует. Парень, который до этого никогда не держал в руках ничего тяжелее кинжала, смотрел на табличку с недоумением, но спорить не стал.

— Зачем это? — только спросил он.

— Затем, что учет — основа хозяйства, — ответил Иван Петрович. — Если ты не знаешь, сколько у тебя работников, сколько инструментов и сколько времени уходит на работу, — ты не агроном. Ты просто дурак с тяпкой. А я не дурак.

К вечеру поле преобразилось. Там, где еще утром была дикая, неосвоенная земля, теперь тянулись ровные ряды грядок, размеченных под овощи. На западном краю вырос палаточный лагерь — десяток больших, добротных шатров, которые Иван Петрович выделил из своих запасов (тех самых, что были скуплены на аукционе в первые дни блокады). У реки копошились танки, углубляя дренажную канаву. У леса, на северном краю, следопыты Рейнджера развешивали на деревьях силки — пока пустые, но готовые к охоте.

Иван Петрович обошел свои владения, проверяя результаты работы, и остался доволен. Да, многое было сделано криво, неумело, с ошибками. Да, канава получилась слишком узкой, грядки — слишком мелкими, а палатки кое-где стояли под таким углом, что первый же ветер должен был их опрокинуть. Но это было неважно. Важно было то, что люди работали. Впервые за долгое время — не сражались, не интриговали, не боялись, — а работали. И на их лицах, еще утром серых и осунувшихся, теперь читалось что-то новое. Что-то, что можно было назвать... достоинством?

Да, достоинством. Человек, который работает и знает, что его работа принесет плоды, — это совсем другой человек, чем тот, который сидит у стены аукциона и жует ремень.

На закате Иван Петрович приказал развести большой костер в центре лагеря и готовить ужин. Он самолично принес из подвала несколько мешков муки, тушку кролика-мутанта (которого Бродячий корень поймал накануне) и корзину овощей со своих грядок. Назначенные повара — двое бывших ремесленников, которые когда-то держали таверну в Артариуме и разорились из-за блокады, — принялись за стряпню.

Через час над лагерем поплыл запах — густой, насыщенный, сводящий с ума. Запах свежеспеченного хлеба, жареного мяса с травами, овощного рагу. Люди, которые уже несколько недель не ели ничего, кроме похлебки из ремней, сидели у костра с тарелками в руках и смотрели на огонь, боясь поверить в происходящее.

Первым взял свою порцию Эйнар. Он долго смотрел на ломоть хлеба, потом на кусок мяса, потом на горку овощей в миске. Потом молча начал есть. Ел он медленно, сосредоточенно, словно пробуя каждый кусок на вкус. И по его лицу текли слезы — скупые, мужские, которые он не пытался утереть.

— Два года, — сказал он, когда тарелка опустела. — Два года я был в топ-гильдии. У меня была лучшая броня, лучшее оружие, лучшие баффы. Я думал, что я — элита. А сегодня я впервые за два года ел хлеб, который вырос из земли, а не был куплен за золото. И знаете... — он обвел взглядом притихших людей, — это лучший хлеб в моей жизни.

Рейнджер, сидевший рядом, кивнул. Он ничего не сказал — только молча доел свою порцию и отставил тарелку.

Кривой Нож, который получил свою порцию последним (как ученик), ел жадно, давясь, не разбирая вкуса. Он слишком долго голодал, чтобы наслаждаться едой. Но когда тарелка опустела, он откинулся на спину, уставился в темнеющее небо и сказал:

— Я не знаю, что будет дальше. Может, завтра нас всех убьют. Может, этот колхоз развалится. Может, «Ястребы» нападут и сожгут всё дотла. Но сегодня... — он вздохнул, и его

лицо, еще недавно перекошенное от голода и злости, разгладилось. — Сегодня я сыт. И это охренеть как хорошо.

Люди засмеялись — впервые за весь день. Смех был нервным, неуверенным, но искренним. И в этом смехе Иван Петрович услышал то, ради чего он, возможно, всё это затеял.

— Завтра будет новый день, — сказал он, поднимаясь с бревна, на котором сидел. — Завтра мы продолжим работу. А пока — спать. Всем спать. Кто не спит ночью, тот не работает днем. Это закон.

Он развернулся и пошел к мельнице. Дендроид-страж, как всегда, последовал за ним.

Ночь опустилась на Кровавые поля. В палаточном лагере у западного края догорали костры, и люди, укутавшись в плащи и одеяла, спали. Многие из них впервые за долгое время спали спокойно — не боясь, что утром нечего будет есть, не боясь, что сосед украдет последнюю корку, не боясь смерти от голода.

А в старой каменной мельнице, сидя в кресле-качалке с кружкой остывшего отвара, бодрствовал старый агроном. Он думал о том, как странно повернулась его жизнь. Как из фермера-одиночки он превратился в полководца. Как из полководца — в теневого правителя. Как из теневого правителя — в председателя колхоза.

«Колхоз». Это слово, которое он знал с детства, которое всю жизнь ассоциировалось у него с грязью, бедностью и бесконечной, изнурительной работой, здесь, в виртуальном мире, обрело новое значение. Здесь колхоз был не принуждением, а спасением. Не эксплуатацией, а выживанием. Не прошлым — а будущим.

— Ну что ж, — сказал он, обращаясь к Стражу, который замер у дверей. — Кажется, у нас теперь есть профсоюз. Интересно, что скажут «Ястребы», когда узнают.

Страж не ответил. Но его глаза на мгновение вспыхнули ярче, словно существо улыбалось.

Часть 4. Реакция мира

Весть о создании «Колхоза» разлетелась по серверу с быстротой лесного пожара.

Уже к утру следующего дня в общих чатах кипели споры. Игроки, которые еще вчера проклинали «Бабушкин погребок» и его таинственного лидера, сегодня обсуждали новость с изумлением, недоверием и — у некоторых — с надеждой. Слухи обрастали подробностями: говорили, что Агроном лично раздает хлеб голодающим, что он создал коммуну, где все равны, что он принимает всех, независимо от уровня и гильдии, что за день работы дают столько еды, сколько не купишь на аукционе за неделю.

Рика, аналитик «Северных Волков», следила за этими разговорами с растущим изумлением. Она связалась с Иваном Петровичем рано утром, когда тот как раз проводил утренний обход полей со своим новым «учеником» Кривым Ножом.

— Агроном, ты понимаешь, что ты натворил? — спросила она без предисловий.

— А что я натворил? — спокойно ответил Иван Петрович, останавливаясь у грядки с морковью.

— Ты создал прецедент. Ты — человек, который контролирует восемьдесят процентов еды на сервере, — открыто заявил, что будешь кормить всех, кто готов работать на тебя. Ты знаешь, что сейчас творится в общем чате? Мелкие гильдии обсуждают возможность полным составом вступить в «Колхоз». Одиночки, которые еще вчера пытались фармить мобов, сегодня собирают вещи и идут к твоей ферме. Даже некоторые члены «Ястребов» — я проверяла, это реальные данные — подали заявления об уходе из гильдии, чтобы присоединиться к тебе.

— Это хорошо или плохо?

— Это... не знаю, — честно ответила Рика. — С одной стороны, твоя армия растет. С другой — ты становишься слишком заметным. Слишком влиятельным. Администрация игры до сих пор закрывала глаза на твои действия, потому что формально ты не нарушал правил. Но сейчас, когда ты создаешь альтернативную социальную структуру внутри игры... это может привлечь нежелательное внимание.

— Пусть привлекает, — пожал плечами Иван Петрович. — Я не нарушаю правил. Мои работники не нарушают правил. Мы просто выращиваем еду и едим её. Если администрация захочет с нами поговорить — добро пожаловать. У меня есть свободная грядка, могу им морковку показать.

Рика не знала, смеяться ей или плакать.

— Ты невозможен, — сказала она наконец. — Ты просто невозможен.

— Я агроном, — ответил Иван Петрович. — Мы, агрономы, все такие.

Тем временем в лагере «Ястребов» царила мрачная, напряженная тишина.

Архонт сидел в своем шатре, перед тактической картой, на которой были отмечены позиции его войск, склады (почти пустые) и ферма Агронома, обведенная красным кругом. Вокруг стола собрались командиры ударных крыльев — те, что еще оставались. Их было немного: Сияющий, Коготь, Лавина, несколько офицеров рангом пониже. И Argentum, казначей, который выглядел так, словно не спал уже несколько суток.

— Докладывай, — приказал Архонт, не поднимая головы.

Argentum развернул голограмму с данными.

— За последние сутки из гильдии ушли сто сорок три человека, — сказал он глухо. — Это почти десять процентов от нашего текущего состава. Сорок из них — ветераны, которые были с нами с самого начала. Причина ухода — «вступление в Колхоз Агронома».

— Колхоз, — процедил Архонт, и в его голосе звенела такая ненависть, что даже Сияющий, стоявший ближе всех, невольно отступил на шаг. — Он назвал это колхозом. Как в Советском Союзе. Коммунистическая пропаганда в виртуальной игре. И люди ведутся.

— Они не ведутся, — возразил Argentum, и в его голосе прозвучала усталость, смешанная с раздражением. — Они голодают. Мы не можем их кормить. Он — может. Это не пропаганда. Это реальность.

— Ты предлагаешь мне сдаться? — Архонт поднял голову и посмотрел на казначея тяжелым, немигающим взглядом.

— Я предлагаю трезво оценить ситуацию. У нас нет еды. У нас нет фуража для маунтов. У нас нет зелий для рейдов. Наши союзники тают с каждым днем. А он — он сидит в своей мельнице, попивает чай и принимает наших бывших солдат, как будто так и должно быть. Мы не можем победить его военной силой — мы это уже пробовали. Мы не можем победить его экономически — он нас переиграл. Единственный способ выжить — это... — он запнулся.

— Что? — Архонт подался вперед.

— Договориться, — закончил Argentum. — Послать делегацию. Предложить перемирие. Признать его автономию в обмен на гарантии поставок продовольствия. Это унижительно, но это лучше, чем...

— Молчать! — рявкнул Архонт, вскакивая. — Ты слышишь себя?! Предложить перемирие этому... этому старику, который отправил мне помидор?! Который закопал живьем моих гвардейцев?! Который создал картель, чтобы морить нас голодом?! Никогда! Слышишь? Никогда!

Он обвел взглядом командиров, словно ища поддержки. Но те молчали. Даже Сияющий, который обычно поддерживал любой боевой настрой, сейчас стоял с каменным лицом.

— Мы не договариваемся с врагом, — продолжал Архонт уже тише, но с той же яростью. — Мы уничтожаем его. У нас еще есть козыри. У нас есть... — он замолчал, вспоминая. —

У нас есть Священный Огонь. Артефакт, который может сжечь любую органику дотла. И мы получим его.

— Как? — спросил Сияющий. — Чтобы получить Священный Огонь, нужно пройти квест «Мсть Короля». А для этого нужны баффы. Зелья. Еда. У нас ничего этого нет.

— Значит, мы найдем, — отрезал Архонт. — Любой ценой. Я свяжусь с разработчиками. Я потребую эксклюзивный доступ. Я сделаю то, что должен сделать. А вы пока... — он обвел взглядом командиров, — обеспечивайте порядок в гильдии. Кто попытается уйти к Агроному — баньте без права восстановления. Кто выражает недовольство — в карцер. Кто саботирует приказы — удаляйте персонажа. Мы выстоим. Мы всегда выстаивали.

Он развернулся и вышел из шатра, оставив командиров в тягостном молчании.

А в это время на ферме, в старой каменной мельнице у реки, Иван Петрович сидел за столом и читал отчеты. Рика прислала ему сводку по рынку за прошедшие сутки. Цены на «Похлебку из ремней» упали вдвое. Почему? Потому что появилась альтернатива. Люди, которые еще вчера были готовы платить любые деньги за баланду, сегодня шли на ферму и бесплатно получали нормальную еду в обмен на работу.

— Ай да я, — пробормотал Иван Петрович, откладывая табличку. — Сам создал дефицит, сам его и обрушил. Интересная штука — экономика.

Он встал, потянулся и вышел на крыльцо. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая Кровавые поля в привычные багряные тона. В лагере у западного края горели костры, и оттуда доносился запах ужина — свежий хлеб, овощное рагу, травяной чай. Люди сидели у огня, разговаривали, смеялись. Кто-то пел песню — старую, еще из реального мира, которую Иван Петрович слышал когда-то в своем совхозе.

Дендроид-страж стоял у входа в мельницу, как всегда на посту. Иван Петрович подошел к нему, похлопал по теплой, шершавой коре.

— Ну что, Страж, — сказал он. — Кажется, у нас получилось. Создали колхоз. Люди работают. Еда есть. Враги в панике. Что еще надо для счастья?

Страж моргнул. Его глаза — два тусклых, жёлтых пятна — смотрели на хозяина с тем же невозмутимым спокойствием.

— Вот и я не знаю, — ответил Иван Петрович. — Но что-то мне подсказывает: это еще не конец. «Ястребы» не сдадутся. Архонт найдет способ нанести удар. Может быть, не завтра. Может быть, через неделю. Но он ударит. И тогда... тогда посмотрим, насколько прочен наш колхоз.

Он замолчал, глядя на закат. Ветер, прилетевший с востока, принес запах полыни и гари — той самой, которая всё еще держалась у Стены Плоты после прошлых боев. Но сейчас этот запах не казался ему зловещим. Скорее — привычным. Как запах поля после жатвы.

— Ладно, — сказал он, поворачиваясь к двери. — Завтра будет новый день. Новые заботы. Новые работы. А пока — спать.

Он вошел в мельницу, и дверь за ним закрылась. Дендроид-страж остался на посту — один, в темноте, под багровым небом Кровавых полей. Где-то в лагере у западного края догорали костры. Где-то в Артариуме люди читали новости и решали, стоит ли идти в «Колхоз». Где-то в замке «Ястребов» Архонт, склонившись над картой, разрабатывал новый план атаки.

Но здесь, на ферме, было тихо.

Иван Петрович лег в кресло-качалку, закрыл глаза и прислушался к «Шёпоту флоры». Растения докладывали: всё спокойно. Границы под охраной. Урожай зреет. Новые работники спят. Враг далеко, но бдителен.

— Ничего, — сказал он в темноту. — Прорвемся.

И заснул.

Ему снился колхоз. Не тот колхоз, который он помнил из своей юности, — с грязью, бедностью и вечно пьяным председателем, — а другой. Новый. Там были поля, бескрайние, золотые, волнующиеся под ветром. Там были люди, много людей, которые работали и смеялись. Там были трактора — старые, советские, с дымящими трубами, — и в то же время магические порталы, через которые зерно текло в город, как река. А в центре всего этого стояла его мельница — старая, каменная, с облупившейся штукатуркой и покосившейся крышей, — но теперь вокруг неё росли не сорняки, а цветы.

И он, Иван Петрович, шел по этому полю, трогал колосья руками и улыбался.

Потому что он был дома.

— —

Продолжение следует...

Глава 3. Удобрения Хиросимы

Часть 1. Тишина перед грозой

Тишина в подвале стояла такая, что Иван Петрович слышал, как оседает пыль на глиняные таблички.

Это была не та тишина, что наступает после бури, и не та, что предшествует рассвету. Это была тишина иная — густая, вязкая, почти осязаемая, какая бывает только глубоко под землёй, в нескольких метрах под поверхностью, куда не доносятся ни скрип половиц, ни шорох ветра в кронах, ни далёкие крики ночных птиц. Даже компостный чан, обычно мерно булькавший в углу, сегодня затих, словно и он чувствовал: что-то назревает. Что-то, чему лучше не мешать своим равнодушным бурлением.

Иван Петрович сидел за своим грубо сколоченным столом — тем самым, который он смастерил ещё в первую неделю, когда у него не было ни Дендроида-стража, ни «Бабушкиного погребка», ни «Колхоза», ни всего того, что теперь лежало на его плечах тяжким, невидимым грузом. Масляная лампа, висевшая под низким каменным сводом, отбрасывала на стены дрожащие тени, и в их колеблющемся свете разложенные перед ним предметы казались почти живыми. Они ждали. Ждали его решения.

На столе лежали три вещи.

Первая — глиняная табличка с отчётом от Рики. Иван Петрович знал её содержимое наизусть, хотя перечитал всего дважды. «Ястребы» затаились. Архонт не появлялся в общих чатах уже неделю. Его командиры отмалчивались. Даже Argentum, вездесущий казначей, перестал лихорадочно искать обходные каналы для закупки провианта. Это было непохоже на них. Совсем непохоже. За два месяца войны Иван Петрович успел изучить своего врага так же хорошо, как изучал когда-то капризы погоды в совхозе: Архонт не умел ждать. Он всегда действовал — яростно, напролом, не считаясь с потерями. Если он затих, значит, он готовил что-то такое, чего Иван Петрович ещё не видел. Что-то, что требовало времени и полной секретности.

Вторая вещь на столе была ещё более тревожной. Маленький, запечатанный воском конверт, который утром принёс Кривой Нож — его ученик, бывший голодранец с Лунной поляны, а ныне усердный, хоть и неуклюжий помощник. Конверт передал один из разведчиков Рейнджера, патрулировавших дальние подступы к ферме. Внутри был клочок пергамента, исписанный торопливым, нервным почерком — анонимное послание от кого-то, кто назвался «доброжелателем». В послании говорилось, что Архонт заключил сделку с администрацией игры. Что ему обещан эксклюзивный квест — «Месть Короля». Что награда за этот квест — легендарный артефакт «Священный Огонь», способный сжигать любую органику дотла, игнорируя любые резисты и защиты.

Иван Петрович не знал, верить ли этому посланию. Оно могло быть ловушкой — дезинформацией, призванной заставить его действовать необдуманно. Но что-то в тоне письма, в самой его торопливости, в кляксах и неровных буквах подсказывало: писавший действительно боялся. Боялся — и всё же написал. Такое не подделаешь.

И наконец, третья вещь. Она-то и была причиной того, что Иван Петрович сидел в подвале уже битый час, не в силах ни уйти, ни приняться за работу.

Это был камень.

На первый взгляд — ничего особенного. Неровный, угловатый обломок размером с кулак, тёмно-серого, почти чёрного цвета, с вкраплениями какого-то тусклого, зеленоватого минерала. Он не светился. Не излучал магию. Не подавал никаких признаков активности. Обычный булыжник, какие в изобилии валяются на Кровавых полях у подножия восточных холмов. Но интерфейс игры, когда Иван Петрович впервые навёл на него курсор несколько недель назад, выдал информацию, которая заставила старого агронома замереть и долго, очень долго всматриваться в экран.

«Обломок Упавшей Звезды. Редкий минерал. Происхождение: неизвестно. Свойства: испускает слабое некротическое излучение. При длительном контакте с органическими тканями вызывает мутации. Нестабилен. Не рекомендуется к использованию в крафте без специальной подготовки».

Иван Петрович заполучил этот камень почти случайно — в первые дни блокады, когда «Бабушкин погребок» скупал всё подряд, выгребая с аукциона любые мало-мальски ценные ресурсы. Один из его подставных персонажей, Бухгалтер Сидоров, приобрёл партию «неликвидов» у разорившегося ремесленника из «Медного цеха». Среди груды ржавых гвоздей, обломков мечей и пустых склянок из-под зелий затесался этот камень. Гномы-ремесленники, продавшие его, не знали, что это такое, и просто хотели избавиться от хлама. Но Иван Петрович, едва взглянув на описание, понял: это не хлам. Это нечто совершенно иное.

Радиоактивный минерал. В виртуальной игре, где магия была основой всего, где каждый камень и каждая травинка подчинялись строгим законам игрового кода, этот обломок был аномалией. Он не вписывался в правила. Он был чем-то из другого мира — может быть, багом, может быть, забытым разработчиками артефактом, может быть, частью какого-то древнего, нереализованного контента. Но главное — он был радиоактивен. И его излучение, слабое, почти незаметное, могло изменять живые организмы.

Иван Петрович знал о радиации не понаслышке. Чернобыль. Взрыв на Чернобыльской АЭС в восемьдесят шестом году прогремел, когда ему было тридцать семь — самый расцвет сил, самый пик агрономической карьеры. Их совхоз находился в нескольких сотнях километров от зоны отчуждения, но ветер тогда дул на север, и радиоактивное облако прошло над их полями. Иван Петрович помнил, как они с председателем спорили — сеять озимые или оставить поля под пар. Председатель, боясь невыполнения плана, приказал сеять. Иван Петрович, изучив сводки, требовал подождать. Посеяли. Пшеница взошла — высокая, зелёная, с неестественно крупными колосьями. А потом, когда пришло время уборки, оказалось, что зерно фонит. Весь урожай — тысячи тонн отборной пшеницы — пошёл под нож. Запахали в землю, как заражённый скот закапывают. Иван Петрович помнил, как плакали комбайнёры, как председатель посидел за одну ночь, как его самого трясло от бессильной ярости — не на радиацию, нет, на человеческую глупость, которая отказалась слушать агронома.

Теперь, сорок лет спустя, он держал в руках кусочек той же смерти — маленький, безобидный на вид камешек, который мог изменить всё.

Идея пришла к нему не сразу. Она зрела неделями, медленно, как зреет компост в чане, как зреет пшеница в поле. Сначала он просто держал камень в дальнем углу подвала, подальше от грядок и экспериментальных кадок, и время от времени поглядывал на него, размышляя.

Потом, после первой осады, когда его Шипастый страж погиб под шквалом магического огня, он начал думать активнее. Что, если использовать излучение минерала для создания растений, устойчивых к магии? Что, если мутации, вызванные радиацией, дадут ему то, чего не могла дать обычная селекция? Что, если...

Эта мысль пугала его. Но и манила.

А после сегодняшнего письма, после известия о «Священном Огне», Иван Петрович понял: думать больше нельзя. Нужно действовать. Потому что если Архонт получит оружие, способное сжечь всю органику на ферме дотла, — никакая Колючая сеть, никакой Дендроид-страж, никакие споры не спасут его. Нужно было что-то другое. Что-то, что не просто защищает, а контратакует. Что-то, что сделает саму мысль о нападении на его землю самоубийственной.

И камень на столе был ключом к этому «чему-то».

— Ну что ж, — сказал Иван Петрович в пустоту подвала, и его голос, приглушённый каменными сводами, прозвучал неожиданно твёрдо. — Не попробуем — не узнаем.

Он встал, размял плечи и направился к дальней стене подвала, туда, где у него хранились самые опасные, самые нестабильные компоненты. Дендроид-страж, замерший у входа, проводил хозяина долгим, нечитаемым взглядом жёлтых глаз.

Часть 2. Подготовка

Подготовка к эксперименту заняла два дня.

Иван Петрович, как старый, опытный агроном, привыкший к тому, что любая работа с землёй требует тщательной подготовки, не стал торопиться. Он знал: спешка в селекции — верный путь к катастрофе. Одно неверное движение, одна непродуманная пропорция, один пропущенный этап — и вместо полезной мутации получишь нечто такое, что уничтожит не только урожай, но и саму почву.

Первым делом он изолировал рабочую зону. Дальний угол подвала, который раньше использовался для хранения пустых горшков и сломанных инструментов, был полностью расчищен. Иван Петрович собственноручно вынес всё лишнее, подмёл каменный пол, протёр стены раствором сока Поющей травы — он заметил, что этот сок обладает свойством подавлять нежелательные магические эманации. Затем он соорудил нечто вроде защитного экрана: несколько листов свинца, выплавленных для него гномами из «Медного цеха» (по специальному заказу, за отдельную плату и с клятвенным обещанием никому не рассказывать), были установлены вокруг экспериментальной кадки, образуя подобие саркофага. Свинец, как Иван Петрович знал ещё со времён Чернобыля, задерживал радиацию. Будет ли он работать в виртуальном мире, где физика подчинялась не законам Ньютона, а прихотям игрового кода? Он не знал. Но лучше перестраховаться.

Вторым этапом была подготовка компонентов.

Главным компонентом, разумеется, был сам «Обломок Упавшей Звезды». Но использовать его в целом виде было нельзя — камень был слишком большим, слишком нестабильным, и его излучение, даже слабое, могло убить любое растение прежде, чем начнётся процесс мутации. Нужно было измельчить его в пыль. Тончайшую, почти невесомую пыль, которую можно было бы смешать с почвой, с удобрениями, с другими компонентами.

Иван Петрович потратил целый день на эту работу. Он не мог доверить её никому — ни Кривому Ножу (слишком молод, слишком неопытен), ни Эйнару (слишком прямолинеен, мог ненароком разбить камень и устроить катастрофу), ни тем более кому-то из рядовых членов «Колхоза». Он делал всё сам. Сидя за столом в защитных перчатках (гномья работа — толстая кожа с вшитыми свинцовыми пластинами), он медленно, методично дробил камень. Сначала — молотком, разбивая на мелкие осколки. Потом — пестиком в ступке, превращая осколки в крупный порошок. И наконец — в специальной мельнице, которую он смастерил из двух гранитных дисков и привода от компостного чана, — перемалывал порошок в пыль. Тончайшую, серую, слабо светящуюся в темноте.

К концу дня у него был небольшой глиняный тигель, до краёв наполненный этой пылью. Он поставил тигель на стол, зажёл масляную лампу и долго смотрел на свою работу. Пыль в тигеле едва заметно шевелилась, словно живая. Или это ему только казалось.

Вторым компонентом были споры.

Не простые споры Светящегося мицелия, которые он использовал для создания помех магическому зрению, и не споры Поющей травы, которые он добавлял в чай для настроения.

Нет, для этого эксперимента ему нужна была особая, концентрированная взвесь — смесь спор нескольких разных растений-мутантов, которые за месяцы жизни на ферме образовали нечто вроде симбиотического сообщества. Иван Петрович называл это про себя «первичным бульоном» — по аналогии с тем первобытным океаном, в котором, согласно науке, когда-то зародилась жизнь.

Сбор этой взвеси тоже занял немало времени. Он ходил по своим владениям с маленькой глиняной склянкой и кисточкой, собирая споры с листьев Кустов-Плевак, с шапок Поющей травы, с корней Бродячего корня (который нехотя, но позволил хозяину взять образец), даже с цветков «Глаз-травы», рассаженной по всему периметру. В склянке образовалась мутная, переливающаяся разными цветами жидкость, которая слабо светилась в темноте и пахла чем-то средним между прелыми листьями, свежей выпечкой и магическим озоном.

Третьим компонентом — основой, носителем, «почвой» для будущей мутации — Иван Петрович выбрал клубень. Не простой картофельный клубень (хотя и такие у него были), а особый, мутировавший сорт, который он вывел пару недель назад, скрестив обычную картошку с корнем-хватаелем. Этот клубень был невероятно живуч, регенерировал после любых повреждений и обладал рудиментарной нервной системой — той самой, которую Иван Петрович использовал при создании Дендроида-стража. Проще говоря, он был почти разумен. Почти.

И наконец, четвёртым компонентом — катализатором, ускорителем, тем, что свяжет всё воедино, — должно было стать «Семя-конструкт Эхо». То самое загадочное семя, которое Иван Петрович приобрёл на аукционе несколько недель назад, в разгар «Тухлого компромисса», и которое с тех пор лежало в отдельной кадке, не прорастая, но и не умирая, и только едва заметно пульсировало в такт чему-то неведомому. Иван Петрович подозревал, что «Семя-конструкт Эхо» было не совсем растением. Оно было... запоминающим устройством. Биологическим жёстким диском. Оно не прорастало само, но могло копировать структуру ДНК и воспроизводить её в других организмах. И это свойство было сейчас необходимо как никогда.

Когда все четыре компонента были готовы, Иван Петрович позволил себе короткую передышку. Он вышел на крыльцо мельницы, сел в кресло-качалку, взял кружку травяного отвара (ромашка, мята, чуть-чуть Поющей травы для ясности мыслей) и долго сидел, глядя на закат. Солнце клонилось к горизонту, окрашивая Кровавые поля в багряные, почти тревожные тона. Где-то в лагере «Колхоза» у западного края горели костры, и оттуда доносился запах ужина — свежий хлеб, овощное рагу, жареное мясо. Где-то у восточного периметра Дендроид-страж совершал свой вечерний обход, и его тяжёлые шаги отдавались в земле глухим гулом. Всё было как обычно. И в то же время всё изменилось.

— Завтра, — сказал Иван Петрович в темноту, ни к кому конкретно не обращаясь. — Завтра попробуем.

Он допил отвар, поставил кружку на перила и вернулся в подвал. Ночь предстояла долгая, а сна не было ни в одном глазу.

Часть 3. Скрещивание

Утро началось без солнца.

Над Кровавыми полями сгустились тучи — низкие, тяжёлые, свинцово-серые, какие обычно приходят с востока и приносят затяжные, нудные дожди. Иван Петрович, выйдя на крыльцо, неодобрительно покосился на небо. Дождь ему сейчас был нехстати — он планировал после эксперимента заняться восточным полем, где «колхозники» вчера начали разбивать новые грядки под овощи. Но делать нечего: погода в «Артаре», как и в реальной жизни, не спрашивала его разрешения.

— Ладно, — пробормотал он, нахлобучивая шляпу. — Раз дождь, значит, больше времени на подвал.

Он спустился вниз, зажёл масляную лампу, ещё раз проверил подготовленные компоненты. Всё было на своих местах: тигель с радиоактивной пылью, склянка со споровой взвесью, клубень-носитель в отдельной кадке, «Семя-конструкт Эхо» в своей неизменной глиняной плошке. Защитные экраны из свинца стояли вокруг экспериментальной зоны, образуя неровный квадрат метр на метр. Иван Петрович натянул защитные перчатки, проверил, плотно ли закрыта дверь в подвал (Дендроид-страж, стоявший снаружи, получил строгий приказ никого не впускать), и приступил.

Первым делом он подготовил почву.

В центре экспериментальной зоны стояла большая глиняная кадка — самая большая из тех, что у него были, почти в половину человеческого роста. Иван Петрович наполнил её особым грунтом: не просто Мерцающий грунт, который он использовал для обычных гибридов, а смесь из нескольких компонентов. Третью составлял перепревший компост из его чана — чёрный, жирный, пахнувший прелыми листьями и жизнью. Треть — обычная земля с его полей, прогретая солнцем, насыщенная корнями и микроорганизмами. И ещё треть — песок с берега реки, мелкий, серый, смешанный с илом. Иван Петрович давно заметил, что самые удачные мутации происходят на стыке разных сред — там, где сталкиваются лес и поле, вода и суша, жизнь и... что-то иное.

Затем он взял тигель с радиоактивной пылью.

Здесь началась самая опасная часть работы. Пыль, измельчённая до состояния невесомого тумана, могла разлететься от малейшего дуновения, попасть в лёгкие, осесть на коже. Иван Петрович не знал, как радиация действует в виртуальном мире — будет ли она накапливаться в организме, вызовет ли мутации, или просто наложит долгосрочный дебафф. Но проверять на себе ему не хотелось. Он действовал медленно, предельно осторожно, задерживая дыхание.

Он высыпал пыль в центр кадки, на поверхность грунта, и сразу же присыпал сверху тонким слоем компоста. Пыль зашипела, вступив в реакцию с органическими веществами, но Иван Петрович ожидал этого. Он подождал, пока шипение утихнет, и перешёл к следующему этапу.

Споровая взвесь.

Склянка с мутной, светящейся жидкостью была тёплой на ощупь — словно внутри неё шла какая-то скрытая жизнь. Иван Петрович открыл пробку и осторожно, каплю за каплей, начал выливать взвесь на то место, где только что скрылась под компостом радиоактивная пыль. Капли падали на землю с тихим шипением, и от каждой из них в воздух поднималось крошечное облачко зеленоватого пара. Иван Петрович морщился, но продолжал.

Когда склянка опустела, он отставил её в сторону и взялся за клубень-носитель.

Этот клубень — точнее, клубень-мутант, который он назвал про себя «Живучкой» — был размером с крупную свёклу, покрыт тёмной, морщинистой кожурой и обладал десятком коротких, толстых отростков, напоминающих то ли корни, то ли щупальца. В обычном состоянии он был инертен — просто лежал в своей кадке и медленно рос. Но Иван Петрович знал: если клубень поместить в активную среду, он начнёт стремительно развиваться, впитывая всё, что есть вокруг. Именно это ему и было нужно.

Он взял клубень обеими руками (перчатки защищали от возможных ожогов), перенёс его в экспериментальную кадку и аккуратно, но твёрдо вдавил в центр грунта — туда, где под слоем компоста скрывалась радиоактивная пыль и споровая взвесь. Клубень дёрнулся, словно пытаясь вырваться, но Иван Петрович держал крепко. Он подержал его так несколько секунд, пока клубень не затих, а потом отпустил и быстро отдёрнул руки.

Клубень остался в кадке. Его отростки, только что беспомощно свисавшие, начали зарываться в грунт — быстро, жадно, как голодные черви.

Иван Петрович взял «Семя-конструкт Эхо».

Это был самый загадочный из всех его компонентов. Маленький, чёрный, матовый шарик размером с горошину — он не подавал никаких признаков жизни, но Иван Петрович чувствовал через «Шёпот флоры» его постоянное, ровное присутствие. Семя не проросло. Оно ждало. Чего — он не знал. Но сейчас, поднеся его к кадке, он почувствовал, как семя в его пальцах слабо завибрировало. Впервые за всё время.

— Ага, — сказал он. — Значит, тебе это интересно.

Он положил семя на вершину клубня — туда, где кожа была тоньше и уже начинала трескаться под напором растущих изнутри отростков. Семя, коснувшись клубня, на мгновение вспыхнуло — слабым, голубоватым светом, — а потом медленно, словно нехотя, начало погружаться внутрь. Кожа клубня сомкнулась над ним, и через несколько секунд семя исчезло.

Теперь оставалось только ждать.

Иван Петрович отступил на шаг от кадки, стянул перчатки и вытер пот со лба. Он чувствовал себя так, словно пробежал несколько километров по пересечённой местности — хотя на самом деле всего лишь стоял на месте и перекладывал предметы. Но напряжение было колоссальным. Слишком многое могло пойти не так. Слишком много неизвестных было в этом уравнении.

Он мысленно активировал «Прививку растений».

Интерфейс развернулся перед ним, показывая две ячейки для родителей. Иван Петрович указал в качестве первого родителя споровую взвесь (система, помедлив, распознала её как «Симбиотическая культура спор (мультивидовая)»), а в качестве второго — радиоактивную пыль (здесь система зависла на несколько секунд, а потом выдала: «Неорганический мутаген. Класс опасности: высокий. Совместимость с органикой: менее 5%»).

Менее пяти процентов. Это было плохо. Очень плохо. В обычных условиях Иван Петрович не стал бы даже пробовать — шанс успеха был слишком мал, а риск слишком велик. Но сейчас у него был клубень-носитель и «Семя-конструкт Эхо». Они должны были сработать как посредники, как мост между несовместимыми компонентами.

Он нажал «Подтвердить скрещивание».

Интерфейс мигнул красным. Высветилось предупреждение:

«Внимание! Обнаружена нестандартная комбинация компонентов. Вероятность успешного скрещивания: 4.7%. Вероятность неконтролируемой мутации: 68.3%. Вероятность разрушения исходных образцов: 22.1%. Вероятность системного сбоя: 4.9%. Продолжить?»

Иван Петрович нажал «Да».

И началось.

Часть 4. Рождение

Первое, что Иван Петрович почувствовал, была вибрация.

Она исходила от кадки — низкая, глухая, почти инфразвуковая, от которой начинали зудеть зубы и дрожать кости. Потом земля в кадке начала шевелиться. Не так, как шевелится земля, когда Бродячий корень прокладывает подземный ход, — медленно, плавно, — а резко, судорожно, словно внутри билось в конвульсиях что-то огромное. Поверхность грунта пошла трещинами, и из этих трещин начал вырываться свет.

Свет был зелёным. Не тот мягкий, золотисто-зелёный свет, который излучала его Золотая пшеница, и не тот холодный, голубоватый свет Мерцающего грунта. Нет, этот свет был грязно-зелёным, болезненным, каким-то неестественным — как гнилушка в тёмном лесу, как болотный газ над трясиной, как экран старого монитора, на котором поселилась плесень. Он пульсировал, то разгораясь, то угасая, и в этом пульсировании не было никакого ритма — только хаос.

Иван Петрович отступил ещё на шаг. Инстинкты, выработанные годами работы с опасными удобрениями и мутагенами, кричали ему: «Отойди! Спрячься! Не смотри!» Но он не мог отвести взгляд. То, что происходило в кадке, было за гранью его понимания — и за гранью понимания самой игры.

Интерфейс перед его глазами начал сбоить. Строчки текста расплывались, цифры прыгали, иконки навыков мигали, словно в помехах. Система пыталась выдать сообщение об ошибке, но не могла — что-то внутри кадки глушило сигнал, создавало помехи, разрушало саму ткань виртуальной реальности. Иван Петрович впервые видел, чтобы игра так реагировала на действия игрока. Это было... пугающе.

А потом кадка взорвалась.

Нет, не в прямом смысле — она не разлетелась на куски. Но земля в ней, весь тот слой грунта, который Иван Петрович так тщательно подготавливал, вдруг подбросило вверх, как будто под ним сработала пружина. Комья земли, перемешанные с остатками спор и радиоактивной пыли, взметнулись к потолку и обрушились вниз грязным, светящимся дождём. Иван Петрович прикрыл лицо руками, но несколько капель попало на кожу — и тут же зашипело, оставляя лёгкие, быстро гаснущие ожоги.

Когда он опустил руки, кадка была пуста.

Вернее, почти пуста. На дне, в окружении спекшейся, оплавленной земли, лежал он.

Клубень [Гнилой Картофель].

Он был не похож на то, что Иван Петрович сажал. Тот клубень был размером со свёклу — этот был вдвое крупнее, с человеческую голову. Тот был тёмным, морщинистым — этот был бледным, почти белым, с отливом в гниlostную зеленцу. По его поверхности, бугристой и неровной, пробегали глубокие трещины, и из каждой трещины сочился тот самый болезнен-

ный, зелёный свет. Свет пульсировал, как сердцебиение, и в этом пульсировании была какая-то жуткая, завораживающая гармония.

От клубня отходили отростки — толстые, мясистые, похожие на щупальца или корни, но покрытые не корой, а какой-то слизью. Они медленно, слепо ощупывали пространство вокруг кадки. Один из отростков коснулся свинцового экрана, который Иван Петрович предусмотрительно установил вокруг, — и экран зашипел, пошёл пузырями и начал плавиться. Свинец! Тот самый свинец, который должен был задерживать радиацию!

— Чёрт, — прошептал Иван Петрович, отступая к стене. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Интерфейс, который до этого сбоил, вдруг стабилизировался и выдал сообщение. Строчки были чёткими, но буквы — слегка искажёнными, словно система сама не до конца верила в то, что показывала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.